
A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. ОГАРЕВА.

Ogarev, Nikolaĭ Platonovich.
"Stikhotvoreniia"

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. ОГАРЕВА.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена.
1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 22 дня 1856 года.

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

ДРУЗЬЯМЪ.

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой,
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили,
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили.
Но мы вокругъ не встрѣтили участья,
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья,
Попадали и сухи и желты,—
И грустно мы остались между нами,
Сплетяся дружно голыми вѣтьвями.
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувствъ, и образовъ и думъ,
Въ душѣ глубоко погребли... И чтоже?
Упрекъ ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ?... Смиренье въ душу вложимъ,
И въ ней затворимся—безъ желчи, если можемъ.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

Старый домъ, старый другъ, посѣтилъ я
Наконецъ въ запустѣньи тебя,
И былое опять воскресилъ я,
И печально смотрѣлъ на тебя.

Дворъ лежалъ предо мной неметеный,
Да колодезь валился гнилой,
И въ саду не шумѣлъ листъ зелёный—
Жолтый тлѣлъ онъ на почвѣ сырой.

Домъ стоялъ обвѣтшалый уныло,
Штукатурка обилась кругомъ,
Туча сѣрая сверху ходила
И всё плакала, глядя на домъ.

Я вошелъ. Тѣже комнаты были—
Здѣсь ворчалъ недовольный старикъ;
Мы бесѣды его не любили—
Насъ страшилъ его черствый языкъ.

Вотъ и комнатка: съ другомъ, бывало,
Здѣсь мы жили умомъ и душой,
Много думъ золотыхъ возникало
Въ этой комнаткѣ прежней порой.

Въ нее звѣздочка тихо свѣтила,
Въ ней остались слова на стѣнахъ:
Ихъ въ то время рука начертила,
Когда юность кипѣла въ душахъ.

Въ этой комнаткѣ счастье былое,
Дружба свѣтлая выросла тамъ...
А теперь запустѣнье глухое,
Паутины висятъ по угламъ.

И мнѣ страшно вдругъ стало. Дрожалъ я.
На кладбищѣ я будто стоялъ,
И родныхъ мертвецовъ вызывалъ я,
Но изъ мертвыхъ никто не возсталъ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ СТОРОЖЪ.

Ночь темна, на небѣ тучи,
Бѣлый снѣгъ кругомъ,
И разлитъ морозъ трескучій
Въ воздухѣ ночномъ.

Вдоль по улицѣ широкой
Избы мужиковъ—
Ходитъ сторожъ одинокій,
Слышенъ скрипъ шаговъ.

Зябнетъ сторожъ, вьюга смѣло
Злится вкругъ него,
На морозѣ побѣлѣла
Борода его.

Скучно! радость измѣнила,
Скучно одному;
Пѣснь его звучитъ уныло
Сквозь мятель и тьму.

Ходитъ онъ въ ночи безлунной,
Бѣла утра ждетъ
И въ края доски чугунной
Съ тайной грустью бьётъ,

И качаясь завываетъ
Звонкая доска...
Пуще сердце замираетъ,
Тяжелѣй тоска!

GUTE GESELLSCHAFT.

Какъ эти люди скучны, глупы,
Какъ ихъ безсмысленны слова,
Какъ шутки ихъ несносно тупы
И какъ пуста ихъ голова!
Какъ сердце ихъ черство и вяло,
Какъ пышетъ холодомъ отъ нихъ!
Какую желчь въ меня вливала
Бесѣда сладостная ихъ!
Подите прочь!... Вотъ вамъ дорога—
Большая,—можете идти!
Меняжъ забудьте, ради Бога,
Вы на проселочномъ пути!

———

FASHIONABLE.

Я люблю, мой fashionable,
Ваши рѣчи и ухватки;
Ваши рѣчи ужъ конечно
И остры и очень сладки.

Какъ вы много говорите,
Сидя близь аристократки,—
Каламбуры, анекдотцы,
Комплименты и загадки.

Если вы въ лорнетъ глядите,
То вдругъ смѣло, то украдкой—
Я любуюсь вашей ручкой,
Вашей лайковой перчаткой.

Но нельзя-ли издали мнѣ
Наслаждаться рѣчью сладкой,
И не жмите вы руки мнѣ
Вашей лайковой перчаткой!

ВЕЧЕРЪ.

Когда настанетъ вечеръ ясный,
Люблю на берегу пруда
Смотрѣть, какъ гаснетъ день прекрасный
И загорается звѣзда,
Какъ ласточка, неуловимо
По лону водъ скользя крыломъ,
Несется быстро, быстро мимо—
И исчезаетъ... Смутнымъ сномъ
Тогда душа полна бываетъ—
Ей какъ-то грустно и легко,
Воспоминанье увлекаетъ
Ее куда-то далеко.
Мнѣ грезятся иные годы,
Такой-же вечеръ у пруда,
И тихо дремлющія воды,
И одинокая звѣзда,
И ласточка—и все, что было,
Что̀ сладко сердце разбудило
И промелькнуло навсегда.

КЪ Д***.

Какъ все чудесно, стройно въ васъ:
Вашъ русый локонъ, ликъ вашъ нѣжный,
Покой и томность сѣрыхъ глазъ,
И роскошь поступи небрежной!
Увидя васъ, конечнобъ могъ
Любить васъ тотъ, чья мысль далеко
Отъ страсти знойной и тревогъ,
Кто любитъ тихо и глубоко.
Онъ, въ созерцанье погружась,
Отъ васъ отвесть не могъ-бы взора...
Но страшно мнѣ глядѣть на васъ!
Завесть не смѣю разговора,
Боюсь узнать, что вы пусты,
Что вы ничтожной суетою
Въ холодномъ сердцѣ заняты;
Боюсь я въ памяти съ собою
Унесть прекрасныя черты
Съ сухой и мелкою душою.

Она никогда его не любила,
А онъ ее втайнѣ любилъ;
Но онъ о любви не выронилъ слова:
Въ себѣ ее свято хранилъ.

И въ церквѣ съ другимъ она обвѣнчалась;
По прежнему вхожъ онъ былъ въ домъ,
И молча въ лицо глядѣлъ ей украдкой,
И долго томился потомъ.

Она умерла. И днемъ онъ и ночью
Все къ ней на могилу ходилъ;
Она никогда его не любила,
А онъ о ней память любилъ.

ФАНТАЗІЯ.

Свѣча горитъ. Печальнымъ полусвѣтомъ
Лучи блуждаютъ по стѣнѣ пустой,
Иль бродятъ по задумчивымъ портретамъ.
Закрылъ я книгу. Съ буквою нѣмой
Разстался наконецъ. Что толку въ этомъ?
Душа бѣжитъ учености сухой.
Теперь хочу роскошныхъ наслажденій,
И на яву я жажду сновидѣній.

Какой-то звукъ, то робкій, то мятежный,
Въ ночи звучитъ; я музыкою полнъ,
Я весь въ мелодіи теряюсь нѣжной...
Мнѣ грезится: качаясь, легкій челнъ
Меня несетъ, шумитъ тростникъ прибрежный,
И звученъ плескъ въ рѣкѣ бѣгущихъ волнъ,
Мнѣ съ береговъ цвѣты благоухаютъ,
Сквозь тонкій паръ съ небесъ луна сіяетъ.

Вотъ предо мной во мглѣ лежитъ Веррона...
Чуть дышетъ воздухъ теплый, ночь пышна,
Джульеты голосъ слышенъ мнѣ съ балкона...
Ребенокъ страстный—вся любовь она.

Но кто поетъ? Тыль это, Десдемона?
Какъ пѣснь твоя мечтательно грустна!
Душа полна любви, полна желаній,
И съ устъ невинныхъ жажду я лобзаній.

Я забываюсь въ сладкомъ усыпленьи,
И тѣни милыя передо мной
Въ причудливомъ несутся сновидѣньи.
Я счастливъ, я блаженствую душой...
Но будитъ вдругъ внезапное волненье,
Еще ловлю я сонъ прекрасный мой,
Душа груститъ, стремяся и желая,
Трещитъ свѣча, печально догорая...

ЗВУКИ.

Какъ дорожу я прекраснымъ мгновеньемъ!
Музыкой вдругъ наполняется слухъ.
Звуки несутся съ какимъ-то стремленьемъ,
Звуки откуда-то льются вокругъ.
Сердце за ними стремится тревожно,
Хочетъ за ними куда-то летѣть —
Въ эти минуты растаять-бы можно,
Въ эти минуты легко умереть.

КЪ ***.

Вы были дѣвочкой, а я
Ужъ юношей. Такъ мы разстались;
Съ тѣхъ поръ и молодость моя
И ваше дѣтство миновались.
И вотъ опять я встрѣтилъ васъ...
Ну, чтожъ вы дѣлали? какъ жили?
Не скроете—изъ вашихъ глазъ
Я узнаю, что вы любили,
Что съ сердцемъ страсть была дружна
И познакомилось страданье,
И жизнь, быть можетъ, лишена
Давно для васъ очарованья...
Не правдаль, страшно схоронить
Любовь, которой сердце жило,
И пошло, холодно забыть
И страсть, и грусть, и все, что мило?
Еще страшнѣй сказать себѣ,
Что все проходитъ непремѣнно,
Что въ человѣческой судьбѣ
Такъ надо, такъ обыкновенно...
Но вы, признайтесь —вамъ вѣдь жаль
Души прошедшую печаль?

ПОЛДЕНЬ.

Полуднемъ жаркимъ ухожу я
На отдыхъ праздный въ темный лѣсъ,
И тамъ ложусь и все гляжу я
Между вершинъ на даль небесъ.
И безконечно тонутъ взоры
Въ ихъ отдаленьѣ голубомъ;
А лѣсъ шумитъ себѣ кругомъ,
И въ немъ ведутся разговоры:
Щебечетъ птица, жукъ жужжитъ,
И листъ засохшій шелеститъ,
На хворостъ падая случайно—
И звуки всѣ такъ полны тайной...
Въ то время страннымъ чувствомъ мнѣ
Всю душу сладостно объемлетъ;
Теряясь въ синей вышинѣ,
Она лѣсному гулу внемлетъ
И въ забытьи какомъ-то дремлетъ.

КАБАКЪ.

Выпьемъ что-ли, Ваня,
Съ холода да съ горя;
Говорятъ, что пьянымъ
По колѣно море.
У Антона дочь-то
Дѣвка молодая;
Очи голубыя,
Славная такая.
Да богатъ онъ, Ваня:
На отрѣзъ откажетъ;
Вѣдь сгоришъ съ стыда, братъ,
Какъ на дверь укажетъ.
Что̀ я ей за пара?
Скверная избушка...
А оброкъ-то, Ваня,
А кормить старушку!...
Выпьемъ что-ли съ горя?
Эхъ, братъ! да едва-ли
Бѣдному за чаркой
Позабыть печали!

NOCTURNO.

Какъ пустъ мой деревенскій домъ,
Угрюмый и высокій!
Какую ночь провелъ я въ немъ
Безсонно, одинокій!
Ужъ были сумракомъ давно
Окрестности одѣты,
Луна свѣтила сквозь окно
На старые портреты;

А я задумчивой стопой
Ходилъ по звонкой залѣ,
Да тѣнь еще моя со мной—
Мы двое лишь не спали.
Деревья темныя въ саду
Качали всё вѣтвями,
Въ просонкахъ гуси на пруду
Кричали надъ волнами.

И мѣльница, грозя крыломъ
Мнѣ издали махала,
И церковь бѣлая съ крестомъ,
Какъ призракъ возставала.

Я ждалъ знакомыхъ мертвецовъ—
Не встанутъ-ли вдругъ кости,
Съ портретныхъ рамъ, изъ тьмы угловъ
Не явятся-ли въ гости?...

И страшенъ былъ пустой мнѣ домъ,
Гдѣ шагъ мой раздавался,
И робко я внималъ кругомъ,
И робко озирался.
Тоска и страхъ сжимали грудь
Среди безсонной ночи,
И вовсе я не могъ сомкнуть
Встревоженныя очи.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Хотя живу я и давно,
Душа привычкѣ не послушна
Съ людьми встрѣчаться холодно
И разставаться равнодушно.

Я имя темное въ альбомъ
И грустный стихъ вамъ на прощанье
Пишу, чтобы оставить въ немъ
Вамъ о себѣ воспоминанье.

Въ часы надменной суеты,
Въ часы тщеславнаго веселья,
Альбома этого листы
Вы не тревожте отъ бездѣлья.

И не ищите строкъ моихъ—
Онѣ покажутся вамъ скучны;
Вы взоръ уроните на нихъ,
И отведете равнодушно.

Но если будетъ грустно вамъ,
Тогда альбомъ вы разверните,
Рукой тревожною вы тамъ
Страницу эту отыщите:

И на печальный вашъ призывъ,
На голосъ тайнаго недуга
Найдете вы себѣ отзывъ
И теплое участье друга.

МЛАДЕНЕЦЪ.

Сидѣла мать у колыбели;
Дитя спало, но въ странномъ снѣ
Его уста ужъ не алѣли,
А будто улыбались мнѣ.
Свѣча бросала отблескъ блѣдный,
Ребенокъ блѣденъ былъ лицомъ.
Я думалъ: спи, малютка бѣдный,
Пока ты съ горемъ не знакомъ.

Придетъ пора—и вспыхнутъ страсти,
Въ сомнѣньяхъ истомится умъ,
И станетъ рваться грудь на части,
И лобъ наморщится отъ думъ;
И, можетъ-быть, среди обмана
Надеждъ напрасныхъ и суетъ,
Ты пожалѣешь слишкомъ рано
О томъ, что былъ рожденъ на свѣтъ.

И я на мать взглянулъ уныло—
Увидѣлъ слезы на глазахъ,
Лицо ея такъ грустно было,
Такъ много скорби на устахъ.
Я подошелъ: передо мною
Лежало мертвое дитя,
А мать качала головою—
И въ холодъ бросило меня ..

ОБЫКНОВЕННАЯ ПОВѢСТЬ.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидѣли —
Рѣка была тиха, ясна,
Вставало солнце, птички пѣли;
Тянулся за рѣкою долъ,
Спокойно, пышно зеленѣя;
Вблизи шиповникъ алый цвѣлъ,
Стояла темныхъ липъ аллея.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидѣли—
Во цвѣтѣ лѣтъ была она,
Его усы едва чернѣли.
О, еслибъ кто увидѣлъ ихъ
Тогда, при утренней ихъ встрѣчѣ,
И лица-бъ высмотрѣлъ у нихъ,
Или подслушалъ бы ихъ рѣчи—
Какъ былъ бы милъ ему языкъ,
Языкъ любви первоначальной!
Онъ вѣрно бъ самъ, на этотъ мигъ,
Разцвѣлъ на днѣ души печальной!..

Я въ свѣтѣ встрѣтилъ ихъ потомъ:
Она была женой другова,
Онъ былъ женатъ, и о быломъ
Въ поминѣ не было ни слова.
На лицахъ видѣнъ былъ покой,
Ихъ жизнь текла свѣтло и ровно,
Они, встрѣчаясь межъ собой,
Могли смѣяться хладнокровно...

А тамъ, по берегу рѣки,
Гдѣ цвѣлъ тогда шиповникъ алый,
Одни простые рыбаки
Ходили къ лодкѣ обветшалой
И пѣли пѣсни—и темнò
Осталось, для людей закрыто
Чтò было тамъ говорено,
И сколько было позабыто.

ИЗБА.

Небо въ часъ дозора
Обходя, луна
Свѣтитъ сквозь узора
Мерзлаго окна.

Вечеръ зимній длится,
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится,
И ужъ спитъ себѣ.

Помоляся Богу,
Улеглася мать;
Дѣти понемногу
Стали засыпать.

Только, за работой,
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь,

И лучина блѣдно
    Передъ ней горитъ.
Все въ избушкѣ бѣдной
    Тишиной томитъ;

Лишь звучитъ докучно
    Болтовня одна
Прялки однозвучной
    Да веретена.

НЕАПОЛЬ.

1.

Въ часъ полуденный, на склонѣ
Раскаленныхъ береговъ,
Дремлетъ смуглый lazzarone,
Врагъ заботы и трудовъ.
Въ шапкѣ красной на бекрени,
Грудь широко распахнувъ,
И отъ зноя, и отъ лѣни
Разметался онъ, заснувъ;
Брови черныя нависли,
Пышетъ жаръ отъ желтыхъ щекъ,
Руки жилистыя свисли
На разсыпчатый песокъ.
Нищъ и босъ, и грёзъ не зная,
Вѣкъ безпеченъ онъ лежитъ,
И надъ соннымъ пролетая
Чайка сѣрая кричитъ.
Съ неба лучъ палитъ и блещетъ,

И, на скатъ береговой
Набѣгая, море плещетъ
Вѣчно-шумною волной.
Strada nuova, садъ и Chiaia,
И Везувій, думы полнъ—
Растянулись, облегая
Ширь серебряную волнъ.
Съ лона водъ въ нѣмомъ покоѣ
Капри синій тихо всталъ...
Ясно небо голубое,
Жарокъ воздухъ, звученъ валъ:
Хорошо, мой lazzarone,
Спать, не вѣдая трудовъ,
Въ зной полуденный на склонѣ
Итальянскихъ береговъ!

2.

За утесами Puzziole
Солнце клонится свѣтло
И лучи свои оттолѣ
Въ небѣ синемъ разнесло.
Западъ красный жарко пышетъ,
Чистъ широкій небосклонъ,
Теплый воздухъ робко дышетъ,
Пахнетъ роза и лимонъ.
Въ блескѣ позднемъ длинной лентой—
Сквозь туманъ прозрачный—мнѣ
Видѣнъ берегъ, гдѣ Сорренто
Дремлетъ въ свѣтлой тишинѣ.

По лиловому играетъ
Морю золото лучей,
Море тихо гладь вздымаетъ
Переливчатыхъ зыбей.
Взоры тонутъ въ отдаленьи,
Внемлетъ слухъ волнѣ морской
И послѣднему движенью
Опустѣлой мостовой.
Челнъ качается лѣниво
У прибережія забытъ,
Вечеръ пышный молчаливо
Въ небѣ гаснетъ и горитъ.

3.

Среди улицы Толедо—
Не для драки или ссоръ,
Не для дружеской бесѣды,
Не на грозный приговоръ—
Собралась, полна вниманья,
Любопытная толпа,
Но стеклася на вѣщанье
Черноризаго попа.
Lazzarone босоногой
И зѣвакъ прохожихъ рядъ,
И старуха и убогой,
Дѣти, женщины, солдатъ—
Взоръ недвиженъ, рты раскрыты,—
Всѣ уставились кругомъ

И глядятъ на Iезуита
Въ ожиданiи нѣмомъ.
Изъ-подъ черной длинной шляпы
Школъ духовныхъ ученикъ,
Вѣрный рабъ святаго папы,
Кажетъ блѣдно-смуглый ликъ.
Въ вдохновеньи заученомъ
Онъ, бѣснуясь предъ толпой,
Машетъ съ жестомъ затверженнымъ
Угрожающей рукой:
«Jesus Christus! dio Santo!
Гадокъ нашъ подлунный мiръ;
Слово полное таланта
Разобьетъ людской кумиръ.
Люди! вами путь спасенья
Средь земныхъ утѣхъ забытъ;
Въ жизни вѣчной вамъ мученье
Церковь кроткая сулитъ!
Духъ упалъ среди разврата,
Гнѣвенъ Богъ на небесахъ!»...
И латинская цитата
На толпу наводитъ страхъ.
Но я видѣлъ—это вѣрно—
Итальянкѣ молодой,
Iезуитъ мой лицемѣрный,
Бросилъ взоръ ты огневой,
И незнаю, послѣ рѣчи,
Какъ, куда, святой отецъ,
Для какой нежданной встрѣчи,
Забредешь ты наконецъ...

4.

Въ мглѣ вечерней дремлетъ Chiaia,
И расходится народъ;
Итальянка молодая
Одинокая идетъ.
Станъ роскошный стройно-тонокъ,
Грудь высокая пышна;
А давно-ль была ребенокъ
Беззаботная она?
Нынче-жъ страсть во взорахъ яркихъ,
Щеки смуглыя горятъ,
И уста лобзаній жаркихъ,
Можетъ-быть, уже хотятъ:
Ужъ не спросту завитъ смѣло
Локонъ черный по вискамъ,
И съ косы платочекъ бѣлый
Спущенъ въ складкахъ по плечамъ,
Платьемъ длиннымъ чуть прикрыта
Пара маленькая ногъ,
И легко стучитъ о плиты
Деревянный башмачокъ.
Вотъ она, стопой смущенной,
Робко входитъ въ Божій храмъ;
Помолилась предъ Мадонной,
Поклонилась образамъ,
Тихо стала у рѣшетки,
За которой въ мглѣ сидитъ,
Разбирая молча четки,
Престарѣлый кармелитъ.

«Padre mio! я не знаю
Прегрѣшенья за собой,
Но я стражду и сгараю
Безотходною тоской.
Кровь какъ пламень льется въ тѣлѣ,
День несносенъ, ночь длинна—
Я не знаю на постелѣ
Освѣжающаго сна.
Сердце проситъ все чего-то,
И о чемъ-то я грущу,
И во тмѣ ночной кого-то
Тщетно страстно я ищу!»
—Часто-ль ты творишь молитву?—
«Я молюсь, отецъ святой!»
—Зналъ, дитя, я эту битву;
Тожъ я молодъ былъ, другъ мой,
Также кровь огнемъ горѣла,
Я ловилъ мечту и тѣнь,
И покоя не имѣла
Грудь моя ни ночь, ни день.
Но я сталъ поститься строго,
И постриженъ и разутъ,
Отдалъ я на службу Бога
Каждый мигъ и каждый трудъ.—
«Чтожъ мнѣ дѣлать?»—Сдѣлай то-же:
Монастырь пріютъ святой;
Да пошлетъ тебѣ въ немъ Боже
Силу, святость и покой!—
Старъ ты сталъ, служитель Бога,
Смутно помнишь вѣкъ былой!...
Но предъ дѣвой у порога
Итальянецъ молодой.

Оба вздрогнули и стали—
Ужъ скорѣй бы ей бѣжать!
Вѣдь о ней теперь едва-ли
Не встревожилася мать...
Тьмою улицы покрыты—
Слышенъ шагъ двухъ крѣпкихъ ногъ,
И за нимъ стучитъ о плиты
Деревянный башмачокъ.

5.

Надъ Везувіемъ восходитъ,
И спокойна и пышна,
И на море блескъ наводитъ
Лучезарная луна.
По лазури неба темной
Звѣзды ярко зажжены,
Тихо дышетъ въ нѣгѣ томной
Ночь полуденной страны.
Тихъ Везувій. Груды лавы
Вкругъ себя онъ набросалъ.
И, дымяся величаво,
Середь ночи задремалъ.
Я смотрю съ Villa reale
Вдаль по искристымъ водамъ:
Тѣни легкой дымкой пали
По далекимъ берегамъ;
Море, въ сладкомъ усыпленьи,
Звучно зыблетъ лоно водъ,
И въ туманномъ отдаленьи
Смутно Капри предстаетъ;

Въ думѣ мрачной и суровой,
Какъ преступникъ въ часъ ночной,
Одинокъ Castel del ovo,
Омываемый волной.
Спитъ Неаполь, нѣгой свѣта
Лунной ночи озаренъ;
Я гляжу — и мнѣ все это
Предстаетъ, какъ пышный сонъ.

GASTHAUS ZUR STADT ROM.

Луна печально мнѣ въ окно
Сквозь сѣрыхъ тучь едва сіяла;
Ужъ было въ городѣ темно,
Пустая улица молчала,
Какъ будто вымерли давно
Всѣ люди... Церковь лишь стояла
Въ срединѣ площади одна
Столѣтней жизнію полна.

Свѣча горѣла предо мной;
Исполненъ внутреннимъ страданьемъ,
Безъ сна сидѣлъ я въ часъ ночной,
Сидѣлъ, томимъ воспоминаньемъ
И безпредметною тоской,
И безотчетливымъ желаньемъ,—
И сердце ныло, а слеза
Не выступала на глаза.

Но вотъ коснулись до меня
Изъ комнаты сосѣдней звуки:
Какъ вихрь по клавишамъ, звеня,
Тревожно пронеслися руки;
Потомъ аккорды слышалъ я,
И женскій голосъ, полный муки,
Любви тоскующей души,
Мнѣ зазвучалъ въ ночной тиши.

Qual cuor tradesti! Кто же могъ
Встревожить женщину обманомъ?
Кто душу свѣтлую облекъ
Тоски безвыходной туманомъ?
Любовь проснулась на упрекъ
И совѣсть встала великаномъ,
Но слишкомъ поздно онъ узналъ
Какое сердце разорвалъ.

Любовь проходитъ, и темно
Становится въ душѣ безродной;
Былое будишь—спитъ оно,
Какъ вялый трупъ въ землѣ холодной,
И сожалѣнье намъ одно
Дано съ небесъ, какъ даръ безплодный..
Но смолкла пѣснь; они потомъ
Иную пѣснь поютъ вдвоемъ.

И въ этой пѣсни дышетъ вновь
Души невольной умиленье,
И сердца юнаго любовь,
И сердца юнаго стремленье;

Не бурно въ жилахъ бьется кровь,
Но только тихое томленье
Отъ полноты вздымаетъ грудь
И сладко хочется вздохнуть.

Я имъ внимаю въ тишинѣ—
Они поютъ, а сердцу больно;
Они поютъ мнѣ о веснѣ,
Какъ птички въ небѣ—звучно, вольно.
И хорошо ихъ слушать мнѣ,
А всежъ страдаю я невольно;
Ихъ пѣснь свѣтла, въ ней вѣра есть—
Мнѣ сердца ранъ не перечесть.

Они счастливы, Боже мой!
Кто вы, мои пѣвцы—не знаю,
Но съ наслажденьемъ и тоской
Я, странникъ грустный, вамъ внимаю.
Блаженствуйте! я со слезой
Васъ въ тишинѣ благословляю.
Любите вѣчно! жизнь въ любви
Блаженный сонъ, друзья мои.

Живите мало. Странно вамъ?
Ромео умеръ, съ нимъ Джульета—
Шекспиръ зналъ жизнь какъ Богъ,—мы снамъ
Роскошно вѣримъ въ юны лѣта,
Но сухость жизнь наводитъ намъ...
Да мимо идетъ чаша эта,
Гдѣ сожалѣнье и тоска
И грустный холодъ старика!

Блаженны тѣ, что въ утрѣ дней
Въ послѣднемъ замерли лобзаньѣ,
Въ тѣни развѣсистыхъ вѣтвей,
Подъ вечеръ майской, при журчаньѣ
Бѣгущихъ водъ,—и соловей
Имъ пѣлъ надгробное рыданье,
А воронъ тронуть ихъ не смѣлъ
И робко мимо пролетѣлъ.

ХАРАКТЕРЪ.

Ребенкомъ онъ упрямъ былъ и рѣзовъ,
И гордо такъ его смотрѣли глазки;
Лишь матери его смиряли ласки,
Но не внималъ онъ звуку грозныхъ словъ.
Про витязей безстрашныхъ слушать сказки
Любилъ въ тиши онъ зимнихъ вечеровъ,
Любилъ безбрежіе степи раздольной,
Слѣдилъ полетъ далекій птицы вольной.

Провелъ онъ буйно юные года:
Его вездѣ пустымъ повѣсой звали,
Но жажды дѣлъ они въ немъ не узнали,
Да воли сильной, въ мірѣ никогда
Простора не имѣвшей... Дни бѣжали,
Жизнь тратилась безъ цѣли, безъ труда;
Кипѣла кровь безплодно... Онъ былъ молодъ,
А въ душу сталъ закрадываться холодъ.

Влюбленъ онъ былъ и разлюбилъ; потомъ
Любилъ, бросалъ, но—слабыхъ душъ мученья—
Не зналъ раскаянья и сожалѣнья.
Онъ рано посѣдѣлъ. Въ лицѣ худомъ
Явилась блѣдность. Дерзкое презрѣнье
Одно осталось въ взорѣ огневомъ,
И рѣчь его, сквозь устъ едва раскрытыхъ,
Была полна насмѣшекъ ядовитыхъ.

ДИЛИЖАНСЪ.

Ужъ смерклося почти, когда мы сѣли,
И различить моихъ сосѣдей я
Совсѣмъ не могъ. Они еще шумѣли,
Бесѣдою несносною меня
Терзали. Всѣ мнѣ такъ ужасно были
Противны. Трескъ колесъ и глупый звукъ
Бича мнѣ слухъ докучливо томили.
Печально въ уголъ я прилегъ. Но вдругъ
Изъ хижинъ къ намъ на мигъ блеснули свѣчи,
Я женщину увидѣлъ близъ меня:
Мантильей черной покрывая плечи,
Она сидѣла, голову склоня;
Глаза ея горѣли грустью томной,
И блѣденъ былъ печальный ликъ ея,
И изъ-подъ шляпки вился локонъ тёмный...
Какое сходство, Боже! Грудь моя
Стѣснилась, холодъ обдалъ тайный...
Опять оно, видѣнье давнихъ дней
Передо мной воскресло такъ случайно!
И я съ нея не могъ свести очей;

Сквозь тьму глядя на ликъ едва замѣтный,
Тревожно жизнь мою я повторялъ,
И снова былъ я молодъ, и привѣтно
Кругомъ съ улыбкой Божій міръ взиралъ,
И я любилъ такъ полно и глубоко—
О, какъ же я былъ счастливъ въ этотъ разъ!
И я желалъ, чтобъ намъ еще далеко,
Далеко было ѣхать; чтобы насъ
Безъ отдыха везла везла карета,
И не имѣлъ бы этотъ путь конца,
И лучшія я пережилъ бы лѣта,
Смотря на очеркъ этого лица!

СОСѢДКѢ.

Въ деревнѣ, въ мирномъ уголкѣ,
Я помню, въ дѣтствѣ мы играли
Въ саду весною на пескѣ,
По вечерамъ осеннимъ—въ залѣ.
Меня въ столицу увезли;
Я выросъ—вы большія тоже,
Но вы въ деревнѣ расцвѣли
На блѣдный цвѣтъ полей похоже.
Я не забочусь о себѣ—
Нѣтъ нужды, что бъ со мной ни сталось;
Но въ вашей будущей судьбѣ
Прочесть страницу бы желалось.
Что? влюблены вы, или нѣтъ?
Мечтаете-ли ночью звѣздной?
Иль безъ любви, не зная свѣтъ,
Взросли вы барышней уѣздной,
И просто надо наконецъ
Вамъ замужъ—и безъ нѣжной страсти

Вы побредете подъ вѣнецъ,
Покорны папенькиной власти?
Гадали-ль вы про жениховъ?
Ктожъ вышелъ? Тотъ-ли сердцу близкій,
Или сосѣдъ, что любитъ псовъ,
Плечами дюжій, ростомъ низкій?
Да въ нашей грустной сторонѣ—
Скажите—чтожъ и дѣлать болѣ,
Какъ не хозяйничать женѣ,
А мужу съ псами ѣздить въ поле!

Стучу—мнѣ двери отперъ ключникъ старый.
Я зналъ, что нѣтъ хозяйки, что давно
Она уже уѣхала далеко
И странствуетъ теперь подъ небомъ чуждымъ:
Но мнѣ на домъ хотѣлось посмотрѣть.
Какъ все знакомо! Зала длинная,
Гдѣ позднимъ вечеромъ, при слабомъ свѣтѣ,
Какія-то таинственныя тѣни
Уныло бродятъ; кабинетъ безмолвный,
Гдѣ часто мы вдвоемъ сидѣли близко...
Я, молча, темнымъ локономъ игралъ,
Иль говорилъ, что̀ было на душѣ,
А на душѣ тогда такъ было полно!
И все на томъ же мѣстѣ, какъ и было:
Диванъ въ углу, передъ каминомъ кресло,
Цвѣты на окнахъ, на стѣнахъ портреты,
А на столѣ развернутая книга.
Я взялъ и пыль съ нея обтеръ рукой,
Скамейку шитую толкнулъ къ дивану
И у окна гардину бѣлую

Расправилъ—солнце зимнее свѣтило
Печально... Уходя, спросилъ я: есть-ли
Оттуда письма.—Нѣтъ-съ, не получаемъ.—
Она меня теперь забыла вѣрно;
А я?—и у меня любви нѣтъ въ сердцѣ,
Одно воспоминанье!

ДОРОГА.

Тускло мѣсяцъ дальній
　　Свѣтитъ сквозь тумана
И лежитъ печально
　　Снѣжная поляна.
Бѣлыя съ морозу
　　Вдоль пути рядами
Тянутся березы
　　Съ голыми сучками.
Тройка мчится лихо,
　　Колокольчикъ звонокъ,
Напѣваетъ тихо
　　Мой ямщикъ съ просонокъ.
Я въ кибиткѣ валкой
　　Ѣду да тоскую:
Скучно мнѣ да жалко
　　Сторону родную.

На Сѣверѣ туманномъ и печальномъ
Стремлюся я къ роскошнымъ берегамъ
Иной страны—она на югѣ дальнемъ.
Лечу чрезъ степь къ знакомымъ мнѣ горамъ—
На нихъ заря блеститъ лучемъ прощальнымъ;
Я далѣ къ югу—наконецъ я тамъ,
И, нѣжась, взоръ гуляетъ на просторѣ,
И Средиземное шумитъ и плещетъ море.

Италія! опять твой полдень жаркій,
Опять твой темно-синій небосклонъ,
И ропотъ волнъ немолчный, блескъ ихъ яркій,
При лунной ночи пахнущій лимонъ,
Рыбакъ на морѣ тихомъ съ утлой баркой,
И черный локонъ смуглолицыхъ женъ.
И все тамъ страсть, да пѣсни, да картины,
Да Рима стараго роскошныя руины.

Въ Италіи брожу и вновь тоскую:
Мнѣ хочется опять къ моимъ снѣгамъ,

Послушать пѣсню грустную, родную,
Летѣть на тройкѣ вихремъ по степямъ,
Съ друзьями выпить чашу круговую
Да поболтать по длиннымъ вечерамъ,
Увидѣть взоръ спокойный, русый локонъ,
Да небо сѣрое сквозь полумерзлыхъ оконъ.

AURORA-WALZER.

Въ моей глуши однообразной,
Съ незримыхъ струнъ легко звѣня,
Напѣвъ знакомый безотвязно
Весь день преслѣдуетъ меня.

Не будитъ онъ въ воспоминаньи
Ни томный блескъ лазурныхъ глазъ,
Ни часъ блаженнаго свиданья,
Или разлуки скорбный часъ.

Подъ звукъ его, главой усталой
Склоняся, сновъ я не видалъ,
И, мчась безумно въ вихрѣ бала,
Я ручки бѣленькой не жалъ;

Но страннымъ полонъ онъ томленьемъ,
Но имъ душа увлечена,
И въ даль съ мучительнымъ стремленьемъ
За нимъ уносится она.

Я помню робкое желанье,
Тоску, сжигающую кровь,
Я помню ласки и признанье,
Я помню слезы и любовь.
Шло время—ласки были рѣже
И высохъ слезъ потокъ живой,
И только оставались тѣже
Желанья съ прежнею тоской.
Просило сердце впечатлѣній
И теплыхъ слезъ, просило вновь
И новыхъ ласкъ и вдохновеній,
Просило новую любовь.
Пришла пора—прошло желанье
И въ сердцѣ стало холодно,
И на одно воспоминанье
Трепещетъ горестно оно.

ВЕСНА.

Еще лежитъ, бѣлѣясь средь полей,
Послѣдній снѣгъ и постепенно таетъ,
И въ полдень яркій солнце вызываетъ
Понѣжиться въ теплѣ своихъ лучей.
Весною пахнетъ. Тѣло лѣнь объемлетъ,
И голова и кружится и дремлетъ.
Люблю я этотъ переходъ: живёшъ
Какъ наканунѣ праздника, и ждешъ
Какъ колоколъ пробудитъ гулъ далекой,
Народъ пойдетъ по улицѣ широкой,
И будетъ радость общая и крикъ,
И пѣсни не умолкнутъ ни на мигъ.

И жду я праздника: вотъ снѣгъ сольется.
Проглянетъ травка нѣжнымъ стебелькомъ,
И ласточка, щебеча, принесется
Въ гнѣздо, свитое надъ моимъ окномъ
Давнымъ давно... Я птичку каждый годъ
Встрѣчаю; спрашиваю: гдѣ летала?
Кто любовался ей? какой народъ?
Не въ сторонѣ-ль прекрасной побывала,

Гдѣ небо ясно, вѣчная весна,
Гдѣ море плещетъ, искрясь и синѣя,
И лавровъ гордыхъ тянется аллея?
Далекая, волшебная страна!...

И жду я праздника. На вѣткѣ гибкой
Листъ задрожитъ и будетъ шуменъ лѣсъ,
Запахнетъ ландышъ у корней древесъ;
И будетъ утро съ свѣтлою улыбкой
Вставать прохладно, будетъ жарокъ день
И ясенъ вечеръ; и ночная тѣнь
Когда наляжетъ, будетъ мѣсяцъ томный
Гулять спокойно по лазури темной;
Надъ озеромъ прозрачный паръ взойдетъ
И соловей до утра пропоетъ.

И я пойду на берегъ одиноко,
Сквозь говора кочующей волны
Рыбачью пѣснь услышу издалёка,
И время вспомню я другой весны...
Наполнитъ душу смутное томленье
И встанутъ вновь забытыя видѣнья.

НА СОНЪ ГРЯДУЩІЙ.

Ночная тма безмолвіе приноситъ
И къ отдыху зоветъ меня.
Пора, пора! покоя тѣло проситъ,
Душа устала въ вихрѣ дня.
Молю тебя, предъ сномъ грядущимъ, Боже:
Дай людямъ миръ; благослови
Младенца сонъ, и нищенское ложе,
И слезы тихія любви!
Прости грѣху, на жгучее страданье
Успокоительно дохни,
И всѣ твои печальныя созданья
Хоть сновидѣньемъ обмани!

ВОСПОМИНАНІЕ ДѢТСТВА.

Мнѣ дѣтство предстаетъ, какъ въ утреннемъ туманѣ
Долина мирная. Подъ дымчатый покровъ,
Сливаясь, прячутся среди прохлады ранней
Лѣса зеленые и линіи холмовъ,
А утро юное бросаетъ въ ликованьи
Сквозь клубы сизые румяное сіянье.

Всѣ образы свѣтлы и всѣ неуловимы.
Знакомаго куста тревожно ищетъ взоръ,
Подслушать хочется, какъ шепчетъ листъ незримый,
Студеный ключь ведетъ знакомый разговоръ;
Но смутно все... Душа безгрѣшный сонъ лелѣетъ—
Отвсюду свѣжесть ей благоуханно вѣетъ.

Къ подъѣзду!—Сильно за звонокъ рванулъ я—
Что, дома?—Быстро я взбѣжалъ на верхъ.
Уже ее я не видалъ лѣтъ десять;
Какъ хороша она была тогда!
Вхожу. Но въ комнатѣ все дышетъ скукой,
И плющъ завялъ, и сторы спущены.
Вотъ у окна, безмолвно за газетой,
Сидитъ какой-то толстый господинъ.
Мы поклонились. Это мужъ. Какъ дуренъ!
Широкое и глупое лицо.
Въ углу сидитъ на креслахъ длинныхъ кто-то,
Въ подушки утонувъ. Смотрю—не вѣрю!
Она—вотъ эта тѣнь полуживая?
А есть еще прекрасныя черты!
Она мнѣ тихо машетъ: «подойдите!
Садитесь! рада я вамъ, старый другъ!»
Рука какъ желтый воскъ, чуть внятенъ голосъ,
Взоръ мутенъ. Сердце сжалось у меня.
«Меня теперь вы вѣрно не узнали...
Да—я больна; но это все пройдетъ:
Весной поѣду непремѣнно въ Ниццу».

Что отвѣчать? Нельзя же показать,
Что слезы хлынули къ глазамъ отъ сердца,
А слово такъ и мретъ на языкѣ.
Мужъ улыбнулся, что я такъ неловокъ.
Какую-то я пошлость ей сказалъ
И вышелъ. Трудно было оставаться—
Поѣхалъ. Мокрый снѣгъ мнѣ билъ въ лицо,
И небо было тускло...

Еще любви безумно сердце проситъ,
Любви взаимной, вѣчной и святой,
Которую ни время не уноситъ,
Ни губитъ свѣтъ мертвящей суетой;
Безумно сердце проситъ женской ласки
И чудная мечта нашептываетъ сказки.

Но тщетно все!... отвѣта нѣтъ желанью;
Въ испугѣ мысль опять назадъ бѣжитъ
И бродитъ трепетно въ воспоминаньи...
Но прошлаго ничто не воскреситъ!
Замолкшій звукъ опять звучать не можетъ
И память только онъ гнететъ или тревожитъ.

И страхъ беретъ, что чувство схоронилось;
По немъ въ душѣ печально, холодно,
Какъ въ домѣ, гдѣ утрата совершилась:
Хозяинъ умеръ—пусто и темно;
Лепечетъ попъ надгробныя страницы,
И бродятъ въ комнатахъ все пасмурныя лица.

Въ пирахъ безумно молодость проходитъ;
Стакановъ звонъ да шутки, смѣхъ да крикъ
Не умолкаютъ. А межъ тѣмъ не сходитъ
Съ души тоска ни на единый мигъ;
Межъ тѣмъ и жизнь идетъ и тяготѣетъ
Надъ ней судьба и страшной тайной вѣетъ.
Мнѣ пиръ наскучилъ—онъ не шлетъ забвенья
Душевной скорби; судорожный смѣхъ
Не заглушаетъ тайнаго мученья!...

ИСПОВѢДЬ.

Мой другъ, тебѣ хотѣлъ бы я
Сказать, что душу мучитъ;
Я знаю, исповѣдь моя
Тебѣ вѣдь не наскучитъ.
Да только лишь сказать хочу,
Какъ вдругъ въ лицѣ я вспыхну,
Займется духъ, и я молчу
И головой поникну.
А все бы я сказалъ тебѣ:
Люблю иль ненавижу,
Какъ я не вѣрую судьбѣ,
Какъ мало въ жизни вижу;
Да стыдно жаловаться мнѣ,
А въ томъ, что какъ-то чудно
Живетъ въ душевной глубинѣ,
Мнѣ высказаться трудно.

Домой я воротился очень поздно;
Съ друзьями я весь день пропировалъ,
А не было мнѣ весело нисколько:
Тоска мнѣ тяжко угнетала душу.
Я воритился—ночь была безгласна
И обдавала черной тьмой меня
Враждебно, такъ что было страшно.
Одна свѣча горѣла предо мной—
Единый другъ среди пустынной ночи,
Единый другъ, но безотрадный!...

По тряской мостовой я ѣхалъ молча,
Усталый отъ дневныхъ заботъ и шума.
Мнѣ день, утраченный въ пустомъ чаду,
Холоднымъ падалъ на душу упрекомъ,
И ночь мнѣ не была отрадна...
На мѣсяцъ блѣдный облако нашло—
Онъ сквозь него просвѣчивалъ печально;
Пустыя улицы безмолвны были,
И только песъ съ досадою въ просонкахъ
На встрѣчу мнѣ сквозь зубы проворчалъ;
При поворотѣ бѣлый домъ угрюмо
Рядъ оконъ темныхъ на меня уставилъ.
Знакомый домъ!... Но вотъ свѣча блеснула
И въ комнатахъ задвигалася тихо...
Я встрепенулся Сердце билось сильно—
Я видѣлъ платье бѣлое
И чей-то медленно идущій образъ.
Свѣча исчезла—я проѣхалъ мимо,
И тяжело мнѣ было на душѣ.

———

Когда встрѣчаются со мной
Подъ парчевою пеленой
И съ упряжью печальной дроги,
А мнѣ нельзя свернуть съ дороги,—
Мнѣ мысль о смерти тяжела.
Не то, чтобъ жизнь была мила;
Жить скучно—горе да сомнѣнье,
Бѣда извнѣ, внутри мученье,—
Да вотъ, когда воображу,
Что мертвый я въ гробу лежу,
Что крышкою его накрыли
И въ крышку гвозди вколотили,
И въ землю гробъ спустили мой,
Да и засыпали землей—
Душѣ обидно такъ и больно
И тѣло дрожь беретъ невольно.

НА МОРѢ.

Бутылка выпита до дна—
Ее я брошу въ море,
И долго будетъ плыть она
Съ волной въ безсильномъ спорѣ.
А можетъ быть, когда нибудь
Попутный валъ повалитъ,
Она, свершая дальній путь,
Къ роднымъ брегамъ причалитъ;
Къ ней склонится знакомый ликъ
И взоръ знакомый взглянетъ,
И сердце близкое въ тотъ мигъ
О странникѣ вспомянетъ.

———

ПРАЗДНИКЪ.

Что годъ, то меньше шлетъ мнѣ праздникъ ликованій;
Что годъ, то жизнь становится скучнѣй.
Какъ много вымерло прекрасныхъ упованій,
Какъ близкихъ много вымерло людей!
Христосъ воскресъ! а тѣ на вѣчную разлуку
Ушли куда-то и не придутъ вновь,
Не вспыхнетъ въ сердцѣ прежняя любовь
И дружба, молча, грустно мнѣ протянетъ руку.

НОЧЬ.

Когда во тмѣ ночной, въ мучительной тиши
　　Мои глаза дремотой не сомкнуты —
Я въ безотвязчивомъ томленіи души
　　Переживаю трудныя минуты.
Все лица прежнія, картины прежнихъ лѣтъ
　　Передо мной проносятся какъ тѣни;
Но чувства прежняго во мнѣ ужъ больше нѣтъ:
　　Я холодно гляжу на рядъ видѣній.
Напрасно силюсь я будить въ душѣ моей,
　　Что жило въ ней такъ сладко иль тревожно;
Любовь, страданіе, блаженство прежнихъ дней
　　Мнѣ кажется или смѣшно, иль ложно.
И мнѣ грядущее замѣны не сулитъ;
　　Вся жизнь пройдетъ несносною ошибкой,
И слезы горькія, текущія съ ланитъ,
　　Уста глотаютъ съ горькою улыбкой.

LIVORNO.

Подъѣзжая подъ Livorno,
Видѣлъ я какъ Аппенины
Цѣпью длинной и узорной
Растянулись вкругъ равнины.

Выѣзжая изъ Livorno,
Съ сигаретами въ карманѣ,
Былъ обысканъ я позорно
На предательской доганѣ.

Экой дьяволъ ты проворной!
Экой ты мошенникъ скверный,
Возлѣ города Livorno
Надзиратель доганьерный!

ПРОЩАНІЕ СЪ ИТАЛІЕЙ.

На море тихое ложится мракъ ночной
И небо синее усѣялось звѣздами;
Шумитъ колесами и пѣну подъ собой
Взбиваетъ пароходъ, качаясь надъ водами;
За нимъ волна, кипя, бѣжитъ двумя браздами,
И вьется черный дымъ густою полосой,
И чайка поздняя вкругъ мачты съ крикомъ вьется,
А море звучное чуть плещется и льется.

На палубѣ умолкъ докучный разговоръ,
Товарищей моихъ въ каютахъ сонъ объемлетъ;
У борта я одинъ. Печально ищетъ взоръ
Знакомой стороны, гдѣ дальній берегъ дремлетъ;
Но пѣсенъ рыбака уже мой слухъ не внемлетъ.
Едва чернѣется цѣпь отдаленныхъ горъ,
Какъ смутная черта... она исчезнетъ вскорѣ,
И только небеса останутся да море.

Италія, мнѣ жаль твоихъ роскошныхъ странъ!
Картины дальнія еще воспоминанье
Рисуетъ тихо мнѣ. То, сквозь ночной туманъ,
Въ Сорренто вѣетъ мнѣ садовъ благоуханье;
То Рима предо мной унылая кампанья
И лица строгія надменныхъ поселянъ;
То слышенъ веселъ плескъ и дожей домъ угрюмый
Наводитъ на душу таинственныя думы.

Но я бѣгу отъ васъ, волшебныя мѣста!
Еще въ ушахъ моихъ все звуки южныхъ пѣсенъ,
Но жизнь людей твоихъ, Италія, пуста!
Въ нихъ духъ состарѣлся и міръ твой сталъ мнѣ тѣсенъ:
Вездѣ развалина нѣмая, смерть да плѣсень!
Лепечатъ о быломъ безсмысленно уста,
А головы людей въ тяжеломъ снѣ повисли...
Теперь бѣгу искать движенья новой мысли.

И приметъ странника иная сторона,
Гдѣ жизнью все кипитъ и въ людяхъ дышетъ сила,
И трудъ приноситъ плодъ, и нива ихъ пышна,
И ясно разумъ ихъ наука озарила,
И жажда въ каждомъ есть, чтобъ всѣмъ имъ лучше было.
Туда мой пароходъ! Но вотъ уже луна
Взошла надъ влажною пустынею печально—
Прощай, Италія! исчезъ твой берегъ дальній...

И всежъ мнѣ жаль тебя! Любилъ я созерцать
Тебя, какъ мертвую красавицу влюбленный:
И взоръ уже потухъ и краски не видать,
А роскошь вѣетъ съ устъ въ улыбкѣ сохраненной,

И будто то не смерть, а часъ покоя сонной,
И нѣгу, кажется, объятья могутъ дать
Еще такъ сладостно, томительно, тревожно,
Что, мигъ проживши въ нихъ, и умереть бы можно.

Италія! не разъ хотѣться будетъ мнѣ
Вновь видѣть яркость дня и синей ночи тѣни,
Забыться и забыть въ прозрачной тишинѣ
И старость дѣтскую заглохшихъ поколѣній,
И скорбь моей души усталой отъ волненій.
Прощай! да берегъ твой почіетъ въ мирномъ снѣ
Межъ тѣмъ, какъ ухожу я въ путь мой безконечный
Среди бродячихъ волнъ и думъ неспящихъ вѣчно!

ХАНДРА.

Бываютъ дни, когда душа пуста:
Ни мыслей нѣтъ, ни чувствъ, молчатъ уста,
Равно печаль и радости постылы,
И въ тѣлѣ лѣнь, и двигаться нѣтъ силы.
Напрасно ищешъ чѣмъ бы умъ занять—
Противно видѣть, слышать, понимать,
И только безконечно давитъ скука,
И кажется, что жить такая мука!
Куда бѣжать? чѣмъ облегчить бы грудь?
Вотъ ночи ждешъ—въ постель! скорѣй заснуть!
И хорошо, что стало все беззвучно...
А сонъ нейдетъ, а тма томитъ докучно!

Я наконецъ оставилъ городъ шумный,
Изъ душныхъ стѣнъ я вырвался на мигъ;
За мною смолкнулъ улицъ трескъ безумный
И въ далекѣ докучный говоръ стихъ,
И вотъ поля равниною безбрежной
Въ вечернемъ блескѣ дремлятъ безмятежно.

Люблю я васъ, вечерніе отливы
И съ далью неба слитый край земли,
Цвѣтокъ лазурный между желтой нивы
И птички пѣсню звонкую вдали.
О, какъ давно уже въ тиши раздольной
Я не дышалъ безпечно и привольно!

Мнѣ хорошо... но отъ чегожъ такъ грустно?
Душа мягка и вмѣстѣ больно ей,
И сельскій бытъ невинный, безъискусный
Меня томитъ, какъ память дѣтскихъ дней.
Утратилось невинности значенье,
Тоскуетъ грудь въ тяжеломъ умиленьи.

О, по душѣ прошло съ тѣхъ поръ такъ много—
Гнетъ истины, ошибокъ суета,
Порокъ, страстей безумная тревога,
И сладкой жажды чувствовать тщета,
Разсудка власть и грязная работа,
И мелкой жизни мелкая забота.

Поля, поля! вашъ миръ меня объемлетъ,
Но кроткихъ чувствъ онъ не приноситъ;
Какъ прежде сердце въ тихомъ снѣ не дремлетъ...
Вы мнѣ теперь, въ вечерней тишинѣ,
Растроганность болѣзненную дали,
Слезу души и внутренней печали.

КЪ ***.

Разстались мы—то можетъ нужно,
То можетъ должно было намъ—
Ужъ мы давно не дѣлимъ дружно
Единой жизни по-поламъ;
И можетъ, врозь намъ будетъ можно
Еще съ годами какъ нибудь
Устроиться не такъ тревожно
И даже сердцемъ отдохнуть.
Я несть готовъ твои упреки,
Хотя и жгутъ они, какъ ядъ.
Конечно, я имѣлъ пороки,
Конечно, въ многомъ виноватъ;
Но было время—вѣдь я вѣрилъ,
Вѣдь я любилъ, быть счастливъ могъ,
Я будущность широко мѣрилъ,
Мой міръ былъ полонъ и глубокъ!
Но замеръ онъ среди печали;
И кто изъ насъ виновенъ въ томъ
Какое дѣло—ты-ли, я-ли—
Его назадъ мы не вернемъ.

Еще слезу зоветъ съ рѣсницы
И холодомъ сжимаетъ грудь
О прошломъ мысль, какъ у гробницы,
Гдѣ въ мукахъ дѣтскій вѣкъ потухъ.
Закрыта книга—наша повѣсть
Прочлась до крайняго листа;
Но не смутятъ укоромъ совѣсть
Тебѣ отнюдь мои уста.
Благодарю за тѣ мгновенья,
Когда я вѣрилъ и любилъ;
Я не далъ только-бъ имъ забвенья,
А горечь радостно-бъ забылъ.
О, я не врагъ тебѣ... дай руку!
Прощай! Не дай тебѣ знать Богъ
Ни пустоты душевной муку,
Ни заблужденія тревогъ...
Прощай! на жизнь, быть можетъ, взглянемъ
Еще съ улыбкой мы не разъ,
И съ миромъ оба да помянемъ
Другъ друга мы въ послѣдній часъ.

МОНОЛОГИ.

I.

И ночь и мракъ! Какъ все томительно-пустынно!
Безсонный дождь стучитъ въ мое окно,
Блуждаетъ лучь свѣчи, мѣняясь съ тѣнью длинной,
И на сердцѣ печально и темно.
Былые сны! душѣ разстаться съ вами больно;
Еще ловлю я призраки вдали,
Еще желаніе въ груди кипитъ невольно;
Но жизнь и мысль убили сны мои.
Мысль, мысль! какъ страшно мнѣ теперь твое движенье,
Страшна твоя тяжелая борьба!
Грознѣй небесныхъ бурь несешь ты разрушенье,
Неумолима, какъ сама судьба.
Ты миръ невинности давно во мнѣ сломила,
Меня на вѣкъ въ броженье вовлекла,

За вѣрой вѣру ты въ моей душѣ сгубила,
Вчерашній свѣтъ мнѣ тмою назвала.
Отъ прежнихъ истинъ я отрекся правды ради,
Для свѣтлыхъ сновъ на ключъ я заперъ дверь,
Листъ за листомъ я рвалъ завѣтныя тетради,
И все, и все изорвано теперь.
Я долженъ надъ своимъ безсиліемъ смѣяться
И видѣть вкругъ безсиліе людей,
И трудно въ правдѣ мнѣ внутри себя признаться,
А правду высказать еще труднѣй.
Предъ истиной покой исчезъ,
И гордость личная и сны любви,
И впереди лежитъ пустынная дорога
Да тщетный жаръ еще горитъ въ крови.

II.

Скорѣй, скорѣй топи средь дикихъ волнъ разврата
И мысль и сердце, ношу чувствъ и думъ;
Насмѣйся надо всѣмъ, что такъ казалось свято,
И смѣло жизнь растрать на пиръ и шумъ!
Сюда, сюда бокалъ съ играющею влагой!
Сюда Вакханка! слухъ мнѣ очаруй
Ты пѣсней полною разгульною отвагой!
На золото продай мнѣ поцалуй...
Вино кипитъ во мнѣ и жжетъ меня лобзанье...
Ты хороша! о, слишкомъ хороша!...
За чѣмъ опять въ груди проснулося страданье
И будто вздрогнула моя душа?

Зачѣмъ ты хороша? забытое мной чувство,
Красавица, зачѣмъ волнуешъ вновь?
Твоихъ томящихъ ласкъ постыдное искуство
Ужель во мнѣ встревожило любовь?
Любовь, любовь!... о нѣтъ, я только сожалѣнье,
Погибшій ангелъ, чувствую къ тебѣ...
Поди, ты мнѣ гадка! я чувствую презрѣнье
Къ тебѣ, продажной, купленной рабѣ!
Ты плачешъ? Нѣтъ, не плачь. Какъ, я тебя обидѣлъ?
Прости, прости мнѣ—это паръ вина;
Когдабъ я не любилъ, вѣдь я бъ не ненавидѣлъ.
Постой, душа къ тебѣ привлечена—
Ты болѣ съ устъ моихъ не будешъ знать укора.
Забудь всю жизнь прожитую тобой,
Забудь весь грязный путь порока и позора,
Склонись ко мнѣ прекрасной головой,—
Страдалица страстей, страдалица желанья,
Я на душу тебѣ навѣю сны,
Ее вновь оживитъ любви моей дыханье,
Какъ бабочку дыханіе весны.
Чтожъ ты молчишъ, дитя, и смотришъ въ удивленьи,
А я не пью мой налитой бокалъ?
Проклятіе! опять ненужное мученье
Внутри души я гдѣ-то отыскалъ!
Но на плечо ко мнѣ она, склоняся, дремлетъ
И что во мнѣ—ей непонятно то;
Недвижно я гляжу какъ сонъ ей грудь подъемлетъ
И глупо трачу сердце за ничто!

III.

Чего хочу?... чего?... О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
А втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ,
Мои стремленія замолкнутъ безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.
Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
Среди безбрежности затеряннымъ созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ...
Духъ вѣчности обнять за-разъ не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ,
О томъ, что выпито, мы все жалѣемъ болѣ,
Пустое дно все больше видно намъ;
И съ каждымъ днемъ душѣ тяжелѣ устарѣлость,
Больнѣе помнить и страшнѣй желать,
И кажется, что жить—отчаянная смѣлость;
Но биться пульсъ не можетъ перестать.
И дальше я живу въ стремленьи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя,

И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,
  За мигомъ мигъ хватая и губя.
И все хочу!... чего?... О! такъ желаній много,
  Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
  Сожжется мозгъ и разорвется грудь.

IV.

Какъ школьникъ на скамьѣ, опять сижу я въ школѣ
  И съ жадностью внимаю и молчу;
Пусть длиненъ знанья путь, но духъ мой крѣпокъ волей,
  Не страшенъ трудъ—я вѣрю и хочу.
Вокругъ все юноши: учительское слово,
  Какъ я, они всѣ слушаютъ въ тиши;
Для нихъ все истина, имъ все еще такъ ново,
  Въ нихъ судитъ пылъ неопытной души.
Но я уже сюда явился съ мыслью зрѣлой,
  Сомнѣніемъ испытанный боецъ,
Но не убитый имъ... Я съ призраками смѣло
  И искренно расчелся наконецъ;
Я отстоялъ себя отъ внутренной тревоги,
  Съ терпѣніемъ пустился въ новый путь
И не собьюсь теперь съ расчитанной дороги—
  Свободна мысль и силой дышетъ грудь.
Что, Мефистофель мой, завистникъ закоснѣлый?
  Отнынѣ власть твою разрушилъ я,
Болѣзненную власть насмѣшки устарѣлой;
  Я скорбью многой выкупилъ себя.

Теперь товарищъ мнѣ иной духъ отрицанья;
Не тотъ насмѣшникъ черствый и больной,
Но тотъ всесильный духъ движенья и созданья,
Тотъ вѣчно юный, новый и живой.
Въ борьбѣ безстрашенъ онъ, ему губить—отрада,
Изъ праха онъ все строитъ вновь и вновь
И ненависть его къ тому, что рушить надо,
Душѣ свята, такъ какъ свята любовь.

FATUM.

Вхожу я въ церковь—тамъ стоятъ два гроба,
Окружены молящимися оба.
Одинъ былъ длинный гробъ, и видѣлъ въ немъ
Я мертвеца съ измученнымъ лицомъ,
Съ улыбкою отчаянья глухаго,
И кости лишь да кожа—такъ худаго.
Казался онъ не старъ, но былъ ужъ сѣдъ,
Какъ будто бы погибъ подъ ношей бѣдъ.
Блѣдна, какъ онъ, и столько же худая
Стояла возлѣ женщина, рыдая;
И дѣти нищіе на мертвеца
Смотрѣли съ дѣтской глупостью лица.

А гробъ другой былъ малъ, и въ немъ лежало
Дитя—такъ тихо, будтобъ задремало.
Отецъ и мать у гроба, а вокругъ,
Одѣтыхъ въ трауръ, было много слугъ.

Печально мать—красавица—молчала,
То плакала, то тяжело вздыхала.
Отецъ въ себя казался углубленъ
И все шепталъ: «зачѣмъ онъ былъ рожденъ?»
И я тоски не въ силахъ былъ сносить;
Я вышелъ вонъ, и въ лѣсъ ушелъ бродить—
И вѣтеръ вылъ, и тучи тяготѣли,
И на корняхъ, треща, качались ели.

ЗАБЫТО.

Я ему сказала:
«Возвратился милый!
Дни прошли и годы—
Я не позабыла;
Я все также, также,
Какъ въ ту ночь—что знаешъ,
Все люблю какъ прежде,
Такъ какъ ты желаешъ».
Онъ пожалъ плечами,
Не сказалъ ни слова,
И хотѣлъ онъ тутъ-же
Удалиться снова.
Я его схватила,
Я его держала
За руки, за платье—
Все не отпускала.
Пала на колѣни,
Цаловала руки,
Ноги цаловала,
Плакала отъ муки.

Онъ взглянулъ мнѣ въ очи...
Тутъ мнѣ показалось,
Что меня онъ любитъ,
Что въ немъ сердце сжалось.
Онъ взглянулъ мнѣ въ очи—
Отвернулся снова,
И прошелъ онъ мимо—
Не сказалъ ни слова.

Бываю часто я смущенъ внутри души
И трепетомъ исполненъ и волненьемъ:
Какой-то ходъ судьбы свершается въ тиши
И вѣетъ мнѣ отъ жизни привидѣньемъ.
Въ движеньи шумномъ дня, въ молчаньи тмы ночной,
Въ толпѣ-ль, одинъ—ли, средь забавъ иль скуки —
Вездѣ болѣзненно я слышу за собой
Изъ жизни прежней схваченные звуки.
Мнѣ чувство каждое, и каждый новый ликъ,
И каждой страсти новое волненье
Все кажется уже давно прожитый мигъ,
Все стараго пустое повторенье.
И скука страшная лежитъ на днѣ души,
Межъ тѣмъ какъ я внимаю съ напряженьемъ,
Какъ тайный ходъ судьбы свершается въ тиши
И вѣетъ мнѣ отъ жизни привидѣньемъ.

ПОРТРЕТЫ.

Печально я смотрю на дружніе портреты—
Черты знакомыя и полныя тоски!
Такіе-ль были мы, друзья, въ былыя лѣта,
Когда, еще унынья далеки,
Мы бодро вѣрили, въ надеждѣ благородной,
Что близокъ новый міръ, широкій и свободный?
И вотъ теперь разсѣялися мы...
Иные въ гробъ сошли, окончивъ подвигъ трудный
Жить въ этомъ мірѣ хаоса и тмы.
Мы проводили ихъ. Въ пустынѣ многолюдной
Не многіе осталися въ живыхъ:
Они должны свершить остатокъ дней своихъ,
Томясь въ трудѣ безвѣстномъ и безплодномъ,
Въ уединеніи безцвѣтномъ и холодномъ.

За днями идутъ дни, идетъ за годомъ годъ—
Съ вопросомъ на устахъ, въ сомнѣніи печальномъ
Слѣжу я робко ихъ однообразный ходъ:
И будто гдѣ-то я затерянъ въ морѣ дальнемъ—
Все тотъ же гулъ, все тотъ же плескъ валовъ
Безъ смысла, безъ конца, не видно береговъ;
Иль будто грежу я во снѣ безъ пробужденья,
И длинный рядъ бѣсовъ мятется предо мной:
Фигуры дикія, тяжелаго томленья
И злобы полныя, враждуя межъ собой,
Въ безвыходной и безконечной схваткѣ
Волнуются, кричатъ и гибнутъ въ безпорядкѣ.
И такъ за годомъ годъ идетъ, за вѣкомъ вѣкъ,
И дышетъ произволъ, и гибнетъ человѣкъ.

———

AURORA MUSAE AMICA.

Зимой люблю я встать по утру рано,
Когда еще все тихо, какъ въ ночи,
Деревня спитъ и снѣжная поляна
Морозомъ дышетъ, звѣздные лучи
Горятъ и гаснутъ въ ранней мглѣ тумана.
Одинъ, при дружнемъ трепетѣ свѣчи
Любимый трудъ уже свершать готовый—
Я бодръ и свѣжъ, и жажду мысли новой.

Передо мной знакомыя преданья,
Гдѣ собранъ опытъ трудный долгихъ лѣтъ
И разума пытливыя гаданья...
Спокойно шлю имъ утренній привѣтъ
И въ тишинѣ, исполненный вниманья,
Я слушаю, ловя летучій слѣдъ,
Біенье жизни отъ начала вѣка,
И новый міръ творю для человѣка.

Но гонитъ день туманы ночи сонной,
Проснулся гулъ—подобіе волнѣ,
Зоветъ звонокъ къ работѣ обыденной,
И все, что могъ создать я въ тишинѣ,

Развѣетъ дико день неугомонный...
И въ жизни вновь звучитъ уныло мнѣ
Одно и тоже непрерывной цѣпью,
Какъ вѣтра шумъ надъ безконечной степью.

А ввечеру, всѣхъ дѣлъ окончивъ смѣту,
Засядемъ мы, мой другъ, предъ камелькомъ:
Намъ принесутъ печальную газету,
И грустно мы всѣ новости прочтемъ
И ничего по цѣлу бѣлу-свѣту
Отраднаго ни капли не найдемъ,
И молча; мы пожмемъ другъ другу руку,
Чтобъ выразить любовь и скорбь и скуку.

Старикъ, какъ прежде въ часъ привычный,
Сидѣлъ за книгою обычной,
Но не тревожила слегка
Страницъ безсильная рука;
Взоръ устремленъ былъ, но безъ цѣли;
Уста какъ бы шептать хотѣли,
Но мысль не находила словъ.
Старушка, глядя сквозь очковъ,
Въ оцѣпенѣньи отупѣломъ
Съ чулкомъ сидѣла у окна—
И не вязала. Въ домѣ цѣломъ
Была нѣмая тишина.

Межъ тѣмъ давно-ли здѣсь, бывало,
Все свѣжей жизнію дышало,
И дѣвушка въ осмнадцать лѣтъ
Вносила мирно въ домъ старинный
Даръ звонкихъ пѣсенъ, смѣхъ невинный
И милый, ласковый привѣтъ?

И чтожъ? такъ просто, такъ ничтожно!
Морозъ дохнулъ неосторожно,
И вотъ горячка; ей во слѣдъ
Томящій жаръ, тяжелый бредъ,
Потомъ и кровь чуть бьется въ жилахъ,
Потомъ и грудь дышать не въ силахъ,
Потомъ и блескъ въ глазахъ потухъ
И блѣдный трупъ и нѣмъ и глухъ.

И старики остались оба,
Какъ будто тяжкой жизни нить
Пресѣчена, а ихъ сложить
Забыли въ мирный холодъ гроба.
И въ домѣ царствуетъ одна
Теперь нѣмая тишина;
И если есть хоть что живое
Такъ развѣ солнце золотое,
Когда играетъ здѣсь и тамъ
И на полу и по стѣнамъ,
Да бродятъ мѣрно, какъ живыя,
По кругу стрѣлки часовыя...

———

КУПАНЬЕ.

Чьей легкой ножки при рѣкѣ
Слѣды остались на пескѣ?
Зачѣмъ раздвинутъ кустъ прибрежный?
Чья шаловливая рука
Листки цвѣтовъ его слегка
Щипала въ рѣзвости мятежной?
Чу! спрячься—брызнула струя—
И стой, дыханье притая.
Смотри, какъ, воды разсѣкая,
Встаетъ головка молодая,
Съ улыбкой дѣтской на устахъ
И нѣгой южною въ очахъ.
А солнце утреннее блещетъ
На черный лоскъ ея волосъ;
Плечо изъ водъ приподнялось
И грудь роскошная трепещетъ.
Вотъ косу бѣлою рукой
Она сжимаетъ надъ водой,
И влага—медленно стекая—
Звѣнитъ, по каплѣ упадая.

Вотъ повернулась и плыветъ—
Съ змѣиной ловкостію вьётся,
То прячется въ прохладу водъ,
То чуть касаясь ихъ несется.
Остановилась и, шутя,
Волною плещетъ, какъ дитя.
Потомъ задумалась—и видно,
Пора оставить ей потокъ—
Выходитъ робко на песокъ,
Какъ будто ей кого-то стыдно.
Уже одну изъ рѣзвыхъ ногъ
Сжимаетъ узкій башмачёкъ,
Уже и ткань рубашки бѣлой
Легла на трепетное тѣло...
Не подходи теперь ты къ ней—
Она дика и боязлива,
И, серны вѣтреной быстрѣй,
Отъ насъ умчится торопливо.
Но знаю я, предъ кѣмъ она
Всегда покорна и смирна;
Я знаю, кто рукой небрежной
Ласкаетъ станъ красотки нѣжной,
Кому на грудь во тмѣ ночей
Разсыпанъ шелкъ ея кудрей.

Проклясть бы могъ свою судьбу,
Кто весь свой вѣкъ, какъ жалкій нищій,
Велъ безконечную борьбу
Изъ-за куска вседневной пищи;
Кто въ ветхомъ рубищѣ встрѣчалъ
Зимы суровые морозы;
Кто въ отупѣньи забывалъ
Пролить надъ милымъ прахомъ слезы,
Не слушалъ томно при лунѣ
Ни шумъ ручья, ни звукъ свирѣли,
А ждалъ въ печальной тишинѣ
Пустаго дня подъ свистъ мятели;
Кто ликованій и пировъ
Не зналъ на жизненномъ просторѣ,
Не вѣдалъ сладкой грусти сновъ,
А зналъ одно сухое горе.
Но много сноситъ человѣкъ
Средь жажды жить неутолимой,
И какъ бы жалокъ ни былъ вѣкъ—
Страшитъ конецъ неотразимый

Опять знакомый домъ, опять знакомый садъ
    И счастья дѣтскія воспоминанья!
Я отвыкалъ отъ нихъ... и снова грустно радъ
    Подслушивать неясный звукъ преданья.
Люблю-ли я людей, которыхъ больше нѣтъ,
    Чья жизнь истлѣла здѣсь въ тиши досужной?
Но въ памяти моей давно остылъ ихъ слѣдъ,
    Какъ слѣдъ любви случайной и ненужной.
А все же здѣсь меня преслѣдуетъ тоска—
    Припадокъ безъименнаго недуга,
Все будто предо мной могильная доска
    Какого-то отвергнутаго друга...

ИЗЪ ФАУСТА.

I.

Тюрьма. Въ стѣнѣ образъ всескорбящей Божіей Матери. Передъ нимъ кружка съ цвѣтами.

ГРЕТХЕНЪ (*ставитъ свѣжіе цвѣты въ кружку.*)

Воззри, ты,
О всескорбящая,
На скорби сердца моего!

Съ сердечной мукой
Въ тоскѣ взираешь
На смерть ты сына твоего.

Къ отцу взираешь,
И все вздыхаешь
И за себя и за него.

Кто пойметъ,
Какъ жжетъ
Все тѣло мнѣ тоской?

Какъ сердце бѣдное страдаетъ,
О чемъ трепещетъ, какъ желаетъ—
Открыто для тебя одной.

Куда ни йду—тоскою,
Тоской, тоской одною
Вся грудь моя полна;
Останусь-ли одна—
Слеза все льется, льется, льется,
А сердце такъ и рвется.

Я стекла у окошка
Слезами орошала,
Когда по утру рано
Цвѣты тебѣ срывала.

Когда лучи дневные
Въ окно мнѣ заблестѣли,
Ужъ я, полна мученій,
Сидѣла на постели.

Спаси! не дай мнѣ смерть, не дай позоръ!
Склони, ты,
О всескорбящая,
На скорбь мою пречистый взоръ!

II.

Церковь. Служба; органъ; хоръ. Гретхенъ въ толпѣ. Злой Духъ позади Гретхенъ.

ЗЛОЙ ДУХЪ.

О! такъ ли, Гретхенъ, прежде
Невинная стояла
Ты здѣсь предъ алтаремъ?
По старой книжечкѣ молитвы
Ты лепетала,—
Порой забавы,
Порой Богъ въ сердцѣ.
Гретхенъ!
Гдѣ голова твоя?
А въ сердцѣ скрыто
Какое преступленье?
Ты молишся-ль за душу матери,
Что ты для долгой, долгой муки усыпила?
Чьей кровью твой порогъ облитъ?
И у тебя подъ сердцемъ
Не движется-ли что?
Не мучитъ-ли тебя, себя
Пророческимъ присутствіемъ?

ГРЕТХЕНЪ.

О, горе мнѣ!
Какъ отогнать мнѣ думы,
Что бродятъ въ головѣ
Невольно?

ХОРЪ.

Dies irae, dies illa
Solvet saeclum in favilla.

(Органъ звучитъ)

ЗЛОЙ ДУХЪ.

О, горе тебѣ!
Гласъ трубный несется,
И гробы трясутся!
И сердце твое,
Изъ пепла возникнувъ
На вѣчное пламя,
Трепещетъ.

ГРЕТХЕНЪ.

О, какъ бы уйдти!
Органъ этотъ будто
Дышать мнѣ мѣшаетъ;
Отъ пѣнія сердце
Въ груди замираетъ.

ХОРЪ.

Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet adparebit,
Nil inultum remanebit.

ГРЕТХЕНЪ.

О, душно мнѣ!
Колонны эти
Тѣснятъ меня,
Тяжелый сводъ
Гнететъ меня ..
На воздухъ!

ЗЛОЙ ДУХЪ.

Сокройся! Грѣхъ и стыдъ
Не остаются въ тайнѣ.
Какъ?—воздухъ? свѣтъ?
О, горе тебѣ!

ХОРЪ.

Quid sum miser tunc dicturus?
Quem patronum rogaturus?
Cum vix justus sit securus.

ЗЛОЙ ДУХЪ.

Отъ грѣшницы лицомъ
Святые отвращаются,
И руку дать тебѣ
Пречистые гнушаются.
Горе!

ХОРЪ.

Quid sum miser tunc dicturus?

ГРЕТХЕНЪ.

Сосѣдка! вашу стляночку!

(Падаетъ въ обморокъ.)

У МОРЯ.

(Изъ Гейне)

Надъ моремъ позднею порой
 Еще лучи блестѣли,
А мы близь хижины съ тобой
 Въ безмолвіи сидѣли.
Туманъ вставалъ, росла волна
 И чайка пролетала,
А у тебя, любви полна,
 Изъ глазъ слеза упала.
Катилась по рукѣ твоей—
 И на колѣни палъ я,
И медленно съ руки твоей
 Твою слезу спивалъ я.
Съ тѣхъ поръ сгараю тѣломъ я,
 Душа въ тоскѣ изныла—
Ахъ, эта женщина меня
 Слезою отравила!

СЛОВА СТАРЦА.

(Изъ Уланда)

Ко мнѣ, мое дитя, ты жизнь моя ..
Нѣтъ, нѣтъ! ко мнѣ, дитя, моя ты смерть.
Вѣдь все, что горько, жизнію зову я
И все, что сладко, называю смертью.

РАЗГОВОРЪ.

(Изъ Мицкевича)

Мой другъ, для насъ что могутъ разговоры значить?
Что я такъ чувствую—къ чему мнѣ говорить?
Когда нельзя всю душу въ душу перелить
Къ чему въ словахъ ее дробить и тратить?
Еще до слуха и до сердца не касаясь
Слова уже остынутъ, съ устъ моихъ сдыхаясь.

Люблю, люблю тебя! сто разъ я повторяю;
Ты сердишся и хочешь ты бранить
Меня, что я любви моей совсѣмъ не знаю
Ни высказать, ни выразить, ни въ пѣснь излить,
И будто въ летаргіи не имѣю силу
Иной дать признакъ жизни какъ сойти въ могилу.

Мой другъ, уста скучаютъ тщетнымъ изліяньемъ,
А я хочу мои уста съ твоими слить,
Хочу съ тобой біеньемъ сердца говорить,
Да вздохомъ только, да лобзаньемъ,
И такъ проговорю часы и дни и лѣта,
И до скончанія и по скончаньи свѣта.

СТАНСЫ.

(Изъ Байрона)

Ни одна не станетъ въ спорѣ
Красота съ тобой,
И какъ музыка на морѣ
Сладокъ голосъ твой.
Море шумное смирилось—
Будто звукамъ покорилось,
Тихо лоно водъ блеститъ,
Убаюканъ вѣтеръ спитъ.

На морскомъ дрожитъ просторѣ
Лучь луны блестя,
Тихо грудь вздымаетъ море,
Какъ во снѣ дитя.
Такъ душа, полна вниманья,
Предъ тобой въ очарованьи—
Тихо все, но полно въ ней,
Будто лѣтомъ зыбь морей.

СПЛИНЪ.

(Посвящено Н.....)

Да, къ осени сворачиваетъ лѣто.
Ужъ ночью былъ серебряный морозъ;
И воздухъ свѣжъ, и—грустная примѣта—
Желтѣетъ листъ сквозь зелени березъ,
Какъ волосокъ сѣдой сквозь локонъ темный
Красавицы кокетливой и томной;
Уже и вѣтръ брюзгливый и сырой
Колеблетъ лѣсъ и свищетъ день деньской,
И облаковъ отрядъ сгоняетъ сѣрый;
И вечера становятся безъ мѣры.

Уже пришла печальная пора:
Туманами окрестности покрыты,
И мелкій дождь съ утра и до утра
Сырою пылью сыплетъ, какъ сквозь ситы;
Чернѣясь грязь по улицамъ видна,
День холоденъ, глухая ночь темна.

Затопимъ мы каминъ Средь позднихъ бдѣній
Люблю, когда причудливыя тѣни
Враждебнымъ мракомъ дышатъ по угламъ,
А красный блескъ трепещетъ по стѣнамъ.

Но въ этотъ часъ я не люблю бесѣды
И многихъ лицъ шумливый разговоръ:
Меня томитъ, какъ длинные обѣды,
Хоть умный, но всегда безплодный споръ.
Иное дѣло—заниматься дѣломъ,
Или хотѣть, въ тщеславьи закоснѣломъ,
Сомнительной ученостью блеснуть
И времени теченье обмануть,
Праздноглагольствуя литературно
О томъ, что въ мірѣ хорошо иль дурно.

У стариковъ есть дѣтская черта—
Разсказывать отлично анекдоты,
Гдѣ на концѣ всегда есть острота;
Но этотъ родъ погибъ среди зѣвоты.
Чтожъ дѣлать, другъ, намъ въ эти вечера?
Болтать о томъ, что дѣлалось вчера?
Нашъ statu quo такъ глупъ, что лучше мимо.
Ужъ не заняться-ль намъ дѣлами Крыма?
Но вѣдь ни вы, ни я не офицеръ—
Изгнать враговъ не сыщемъ новыхъ мѣръ.

Не вдаться-ль въ жаръ сердечныхъ изліяній?
Но вѣдь оно покажется смѣшно—
Къ лицу-ли намъ исканіе страданій
И радостей, замолкнувшихъ давно...
Не вынуть-ли бутылку изъ подвала?
Не принести-ль два розовыхъ бокала?

За здравье чтоль, не то за упокой
Намъ чокнуться?... А лучше намъ, другъ мой,
Безмолвствовать и думать. Грустно это,
Но, кажется, прилично въ наши лѣта.

И вѣтръ и дождь всю ночь въ окно стучатъ,
Колеблятся таинственныя тѣни,
Дрова, горя, блѣднѣютъ и трещатъ,
И вновь встаетъ забытый рядъ видѣній.
Вотъ дѣтство глупое; какъ и всегда
Бываютъ глупы дѣтскіе года,
Но многое въ нихъ мирно улыбалось
И сохранить иное бы желалось...
Вотъ юность—вотъ играетъ кровь,
И сердце жжетъ ненужная любовь.

А тамъ идутъ подъ рядъ все гробъ за гробомъ:
Вотъ мретъ старикъ, сердяся и крехтя,
Вотъ другъ погибъ съ чахоточнымъ ознобомъ,
Въ волнахъ морскихъ умолкнуло дитя,
И милое и свѣтлое созданье
Туда-жъ пошло на вѣчное молчанье!
Но вы, мой другъ, ни слова ни о чемъ;
Вы знаете—вѣдь лучше намъ вдвоемъ
Безмолвствовать и думать. Грустно это,
Но, кажется, прилично въ наши лѣта.

АФРИКА.

(Отрывокъ)

Sic transit gloria mundi!

То было время грозной славы:
Междоусобіемъ томимъ,
Грань расширялъ своей державы
И задыхался старый Римъ.
Уже въ коварную угоду
Или сенату, иль народу—
Вожди, заспоря межь собой
Властолюбивою враждой,
Топтали древнюю свободу.
Въ то время Силла казнью мстилъ
Своимъ врагамъ и травлей новой
Роскошно тѣшилъ Римъ суровый,
А старый Марій уходилъ
И въ дальней Африкѣ за моремъ
Блуждалъ, несокрушимый горемъ.

Клонился въ море знойный день,
И блескомъ позднимъ позлащенный,
Ждалъ ночи берегъ раскаленный,
И тихо подступала тѣнь.
Бродящаго роптанья полны,
Средь колебанья дня и мглы,
Залива голубыя волны
Плескались въ бѣлыя скалы,
И воздухъ жаркій и лѣнивый
На берегъ вѣялъ молчаливый.

Тиха печальная страна!
Не нарушалъ уже полвѣка
Ея безвыходнаго сна
Ни трудъ, ни говоръ человѣка
Давно въ пустынный край не шли,
Стремясь какъ птицъ крылатыхъ стая,
По морю веслами махая,
Съ товаромъ дальнимъ корабли;
Отъ Нила по степямъ песчанымъ
Не приходили съ караваномъ,
Рукой рабовъ навьючены,
Тяжелоступные слоны.
Давно съ жестокостью безумной
Здѣсь пронеслась чрезъ городъ шумный
Война кровавою пятой,
Оставя пепелъ за собой.
Добыча смерти или плѣна,
Исчезли люди Кароагена;
Торговли жадной дни прошли,
Замолкли клики пышныхъ брашенъ,
Обломки гордыхъ стѣнъ и башенъ

Безмолвной грудою легли.
Съ тѣхъ поръ, спаленные, истлѣли
Цвѣты садовъ и злаки нивъ,
И лавры больше не шумѣли,
Ни зелень темная оливъ:
Лишь жизни волею могучей
Наслѣдникъ рушенныхъ дворцовъ —
Зеленой сѣтью плющъ ползучій
Разросся мирно вкругъ столбовъ,
И въ часъ полдневнаго досуга
Понѣжиться на солнцѣ юга
Изъ-подъ камней скользитъ змѣя,
Иль рѣзвыхъ ящерицъ семья;
И вновь въ томительномъ молчаньи
Лежитъ пустынная страна,
И только дышитъ въ колыханьи
Неугомонная волна.

Но Римскій вождь, вѣнчанный славой,
Среди развалинъ одинокъ
Скитался тѣнью величавой,
Какъ бы преступникъ, иль пророкъ.
Суровъ былъ взглядъ его; ланиты
И лобъ морщинами изрыты
И въ кудряхъ черной бороды
Годовъ бѣлѣлися слѣды.
Но крѣпость мышцъ не измѣнила:
Все таже въ жилистой рукѣ
Плебейская дремала сила,
Какъ въ-ненатянутомъ лукѣ;
Въ груди, покрытой броней мѣдной,
Таился тотъ же гласъ побѣдный,

Передъ которымъ вражья рать,
Смутясь, не въ силахъ устоять.
Давно-ли онъ съ трибунъ народныхъ
Громилъ сенатъ въ рѣчахъ свободныхъ?
Давноль средь боевыхъ тревогъ
Онъ былъ для войска нѣкій богъ?
Смиритель Кимвровъ и Тевтоновъ,
Давноль онъ съ сонмомъ легіоновъ
Лавровѣнчанный въ Римъ вступалъ
И Римъ ему рукоплескалъ?
Но втунѣ, смолкли клики славы,
Исчезла власть!... Предъ нимъ возникъ
Соперникъ смѣлый и лукавый,
Его же дерзкій ученикъ,
И старый вождь унесъ въ изгнанье,
Въ пріютъ далекій отъ людей—
Обиды горечь и сознанье
Величья гордаго скорбей.
Но не груститъ орелъ нагорный
Подобно горлицѣ лѣсной:
Вождь терпѣливый и упорный
Томился думою иной.
Въ себя въ немъ вѣра не уснула!
Онъ все жь былъ грозенъ какъ судьба:
Его зарѣзать не дерзнула
Рука наемнаго раба!
И тѣже волновали страсти
Скитальца непреклонный умъ—
Любовь къ свободѣ, жажда власти
И жизни сильной блескъ и шумъ;
И мыслилъ онъ: еще поспоримъ!
И взоромъ Римъ искалъ за моремъ.

А съ неба знойнаго сходя,
Вечерній лучъ сіялъ печаленъ
На груды тихія развалинъ
И образъ стараго вождя,
И вѣчнаго роптанья полны,
Далеко колыхались волны.

БѢГСТВО.

«Ступай», сказалъ онъ, «подъ вѣнецъ!»
А я:—не принуждай, отецъ!
Мнѣ рано замужъ; дай подолѣй
Потѣшиться дѣвичьей волей!—
Отецъ сдержалъ привычный гнѣвъ
И, злобы дрожь преодолѣвъ,
Сказалъ, что я сама не знаю,
Какъ глупо счастіе теряю.
Я все свое; но наконецъ
Личину сбросилъ мой отецъ
И закричалъ, что вовсе мнѣнья
Онъ моего не хочетъ знать,
Что долгъ мой есть повиновенье,
Что онъ привыкъ повелѣвать.
Я въ страхѣ на колѣни стала,
И плакала, и умоляла,
Чтобы меня онъ пощадилъ,
Ужъ лучшебъ въ монастырь пустилъ.
Онъ топнулъ... А ему я снова:

Отецъ! вѣдь я люблю другаго!
А онъ меня ударилъ... Ка́къ,
Что̀ послѣ—помню какъ сквозь мракъ.
Вскочивъ, отца не видя болѣ,
Тайкомъ ушла я садомъ въ поле,
Забыла холодъ, голодъ, трудъ—
Ушла искать себѣ пріютъ...

КРЕМЛЬ.

За тучами чуть видима луна,
Бѣлѣетъ снѣгъ въ туманномъ освѣщеньи,
Безмолвны стогны, всюду тишина,
Исчезло дня бродящее движенье.
Старинный Кремль угрюмо задремалъ
Надъ берегомъ рѣки оледенѣлой,
И колоколъ гудящій замолчалъ,
Затворенъ храмъ и теремъ опустѣлый.
Какъ старый Кремль въ полночной тишинѣ
Является и призраченъ и страшенъ,
Въ своей зубчатой затворясь стѣнѣ
И вѣя холодомъ угрюмыхъ башенъ!
Лежитъ повсюду мертвенный покой—
Его кругомъ ничто не возмущаетъ,
Лишь каждый часъ часовъ унылый бой
О ходѣ времени напоминаетъ.

ПУТНИКЪ.

Долъ туманенъ, воздухъ сыръ,
Туча небо кроетъ,
Грустно смотритъ тусклый міръ,
Грустно вѣтеръ воетъ.

Не страшися, путникъ мой,
На землѣ все битва;
Но въ тебѣ живетъ покой,
Сила да молитва.

МНОГО ГРУСТИ!

Природа зноемъ дня утомлена
И проситъ вечера скорѣй у Бога,
И вечеръ встрѣтитъ съ радостью она,
Но въ этой радости какъ грусти много!

И тотъ, кому ужь жизнь давно скучна,
Онъ проситъ старости скорѣй у Бога,
И смерть ему на радость суждена,
Но въ этой радости какъ грусти много!

А я и молодъ, жизнь моя полна,
На радость мнѣ любовь дана отъ Бога,
И пѣснь моя на радость мнѣ дана,
Но въ этой радости какъ грусти много!

———

ПРОМЕТЕЙ.

Прочь, коршунъ! больно, подлый рабъ,
Палачъ Зевеса!... О, когда бы
Мнѣ эти цѣпи не мѣшали,
Какъ безпощадно-бъ руки сжали
Тебя за горло! Но безъ силъ,
Къ скалѣ прикованный, безъ воли,
Я грудь мою тебѣ открылъ
И каждый мигъ кричу отъ боли,
И замираю каждый мигъ...
На мой безумно-жалкій крикъ
Проснулся отголосокъ дальній,
И вѣтеръ жалобно завылъ
И прочь рванулся что есть силъ,
И закачался лѣсъ печальный;
Испуга барсъ не превозмогъ—
Сверкая желтыми глазами,
Онъ въ чащу кинулся прыжками;
Туманъ сѣдой на горы легъ

И море дальнее о скалы
Дробяся, глухо застонало...
Одинъ спокоенъ царь небесъ—
Ничѣмъ не тронулся Зевесъ!

Завистникъ! Онъ забыть не можетъ,
Что я творецъ, что онъ моихъ
Созданій вѣкъ не уничтожитъ;
Что я съ небесъ его для нихъ
Унесъ огонь неугасимый...
Ну чтоже, богъ неумолимый,
Ну, мучь меня! Еще ко мнѣ
Пошли хоть двадцать птицъ голодныхъ,
Неутомимыхъ, безотходныхъ,
Чтобъ рвали сердце мнѣ онѣ—
А всежъ людей я создалъ!—Твердый,
Смѣясь надъ злобою твоей,
Смотрю я, непокорный, гордый,
На красоту моихъ людей.
О! хорошо ихъ сотворилъ я,
Во всемъ подобными себѣ:
Огонь небесный въ нихъ вселилъ я
Съ враждою вѣчною къ тебѣ,
Съ гордыней вольною Титана
И непокорностью судьбѣ.

Рви, коршунъ, глубже въ сердце рану—
Она Зевесу лишь позоръ!
Мой крикъ пронзительный—укоръ
Родитъ въ душахъ моихъ созданій:
За даръ томительный страданій

Дойдутъ проклятья до небесъ—
Къ тебѣ, завистливый Зевесъ!
А я, на вѣчное мученье
Тобой прикованный къ скалѣ,
Найду повсюду сожалѣнье,
Найду любовь по всей землѣ,
И въ людяхъ, гордый самъ собою,
Я наругаюсь надъ тобою!

ВСТРѢЧА.

Друзья они смолоду были,
Но рано разстались они
И встрѣтились послѣ, случайно
Чрезъ долгіе годы и дни.

И какже они удивились!
Ужь лица наморщены ихъ,
И головы были сѣдыя,
И сгорблены спины у нихъ.

Старикъ старику подалъ руку
И молча смотрѣлъ—и никто
Изъ нихъ не сказалъ, сколько было
Имъ внутреннихъ бурь прожито.

Когда тревогою безплодной
Моя душа утомлена
И я брожу въ тоскѣ холодной,
И жизнь мнѣ кажется скучна,
И мнѣ случится ненарочно
Увидѣть, какъ въ безпечномъ снѣ
Лежитъ младенецъ непорочный
Какъ ангелъ Божій—легче мнѣ.
Гляжу я долго на ребенка:
Какъ хорошо, невинно онъ
Раскинулъ ножки и ручонки!
Какой онъ грезитъ свѣтлый сонъ!
Легко улыбка сохранилась
На чуть-растворенныхъ устахъ,
И тихо мать надъ нимъ склонилась
Съ такою нѣжностью въ очахъ...
Мнѣ легче, да! и въ умиленьѣ
Я такъ глубоко вѣрю вновь,
Что на землѣ есть наслажденье,
Есть чистота и есть любовь.

ДЯДѢ КРОНОСУ.

(*Изъ Гёте.*)

Ну, скорѣй, Кроносъ!
Шумною рысью впередъ!
Внизъ по горѣ все дорога.
Чтожъ?... Голова у меня
Съ тихой ѣзды закружилась.
Живо, хоть тряско, впередъ
Рысью по камнямъ и кочкамъ
Въ жизнь поскорѣй выѣзжай!

Ну! ужъ опять ты
Шагомъ несноснымъ съ трудомъ
Въ гору поѣхалъ, лѣнивый!
Ну же, проснись и пошолъ
Къ верху, стремясь и надѣясь!

Взглядъ необъятный, но чудный,
Взглядъ открывающій жизнь—
Вдаль, внизъ и вверхъ черезъ горы
Вѣчный проносится духъ
Съ предчувствіемъ вѣчныя жизни.

Въ сторону манитъ тебя
Тѣнь подъ навѣсомъ,
Манитъ живительный взоръ
Дѣвы, что тутъ у порога.
Здѣсь наслаждайся—о, мнѣ,
Дѣва, шипящій напитокъ!
Мнѣ жизни исполненный взоръ!...

Визъ поскорѣе поѣдемъ—
Солнце садится, смотри!
Ѣдемъ, пока меня, старца,
Холодъ не обдалъ болотъ,
Кости дрожать не заставилъ,
Зубы объ зубы стучать.

Ты меня, свѣтомъ послѣднимъ
Дня упоеннымъ, вези;
Море огня передъ взоромъ
Мутнымъ моимъ ты разлей—
Пусть ослѣпленный доѣду
Къ тартара мрачнымъ вратамъ.

Дядя! труби же ты въ рогъ свой,
Громкую рысь протруби,
Оркусъ, чтобъ слышалъ: мы ѣдемъ,
Тотчасъ у двери бы насъ
Принялъ радушный хозяинъ.

———

Отъѣздъ.

Ну, прощай же, братъ! я поѣду въ даль,
Не сидится на мѣстѣ, ей Богу!
Вѣдь не то, чтобъ мнѣ было васъ не жаль,
Да ужь такъ—собрался я въ дорогу.

И не то, чтобъ здѣсь было худо мнѣ,
Нѣтъ! мнѣ все какъ-то близко, знакомо;
Ну, и домъ, и садъ, и привыкъ къ странѣ:
Хорошо, знаешь, нравится дома.

И такое есть, о чемъ вспомнить мнѣ
Тяжело, а забыть невозможно;
Да не всежъ твердить о вчерашнемъ днѣ—
Неразумно, а можетъ, и ложно!

И вотъ видишь, братъ, такъ и тянетъ въ путь,
Погулять надо мнѣ на просторѣ,

Широко пожить, на людей взглянуть,
  Да послушать гульливое море.

Много свѣтлыхъ странъ, много чудныхъ встрѣчъ,
  Много сладкихъ словъ, много пѣсень...
Не хочу жалѣть! не хочу беречь!
  Ну, прощай! міръ авось ли не тѣсенъ.

КОКЕТКѢ.

Зачѣмъ томишь ты друга моего?
Дитя! его ты ни за что погубишь!
Прошу тебя: ты пощади его!
Рѣшись сказать: ты любишь иль не любишь?
Ты знаешъ-ли? онъ сердцемъ простъ и смѣлъ,
И умъ его широкъ и благороденъ,
Но страсти ядъ имъ страшно овладѣлъ
И вѣкъ его печаленъ и безплоденъ.
Еще вчера—когда передъ тобой
Стоялъ, красуясь, юноша другой
И на тебя, глядя орлинымъ взоромъ,
Смѣшилъ тебя безпечнымъ разговоромъ,—
Въ углу сидѣлъ онъ мраченъ и угрюмъ,
Убитый горечью ревнивыхъ думъ,
Желая и не слышать и не видѣть,
И всежъ любилъ, стараясь ненавидѣть...
Ты поняла-ль, безумное дитя,
Какъ ты его замучила шутя?

Ты помнишъ ли, какъ онъ на пышномъ балѣ
Бродилъ въ толпѣ, не видя никого
И трепетно тебя искалъ по залѣ,
А ты, рѣзвясь, скрывалась отъ него?
Какъ онъ тогда былъ блѣденъ и разстроенъ!
А ликъ твой былъ сіяющъ и спокоенъ!
Ты знаешъ ли? когда ты на него
Привѣтно взоръ уронишь одобренья,
Иль за руку, какъ другъ, возьмешъ его,
Иль съ лаской бросишъ слово безъ значенья—
Онъ цѣлый день проходитъ какъ въ чаду,
И радъ и веселъ какъ ребенокъ малый,
И ночью ждетъ, отъ счастія усталый,
Твоей любви въ обманчивомъ бреду.
Ужель тебѣ его не жаль нисколько?
Неужто шутишъ ты, дитя,—и только?
Но тщетно! Ты не слушаешъ меня
И тихо къ ручкѣ бѣленькой и гибкой,
Задумчиво головку наклоня,
Ты блещешъ вся тщеславною улыбкой.

———

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ вечернемъ сумракѣ долина
Синѣла тихо за ручьемъ,
И запахъ розы и ясмина
Благоухалъ въ саду твоемъ;
Въ кустахъ прибережныхъ влюбленно
Перекликались соловьи.

Я близь тебя стоялъ смущенный,
Томимый трепетомъ любви.
Уста отъ полноты дыханья
Остались нѣмы и робки,
А сердце жаждало признанья,
Рука—пожатія руки.

Пусть этотъ сонъ мнѣ жизнь смѣнила
Тревогой шумной пестроты;

Но память вѣрно сохранила
И образъ тихій красоты,
И садъ, и вечеръ, и свиданье,
И нѣгу смутную въ крови,
И сердца жаръ и замиранье—
Всю эту музыку любви.

СТАРИКЪ.

Еще я бодръ! Еще тоскуя,
Желанье разжигаетъ кровь,
Еще я жажду поцѣлуя,
Еще я грежу про любовь!

Но дѣвы отъ моихъ нападокъ
Бѣгутъ, исполнены стыда,
И старый видъ мой сталъ имъ гадокъ,
Страшна сѣдая борода.

Подчасъ ищу попасться въ сѣти
Иной красавицы лихой,
Но вижу—юноши и дѣти
Тишкомъ смѣются надо мной.

И опустивъ безмолвно руки,
Воспоминаніемъ томимъ,

Средь тайной злобы или скуки
Я мыслю, тихъ и нелюдимъ:

«Постой, красавица! увянешь
И поседѣешь наконецъ,
И если страстнымъ взоромъ взглянешь—
Отвѣтитъ смѣхомъ молодецъ».

БАРЫШНЯ.

Въ деревнѣ барышня стыдливо
Какъ ландышъ майскій разцвѣла
Свѣжа, застѣнчива, красива,
Душой младенчески мила.
Она за чтеніемъ романа
Чего-то въ будущемъ ждала,
Играла вальсъ на фортепьяно
И даже съ чувствомъ пѣть могла.
Привычки жизни, барству сродной,
Невольно какъ-то отклонивъ,
Она имѣла благородный,
Хоть безсознательный порывъ
И плакала, когда бывало,
На слугъ сердясь, шипѣла мать,
И иногда отцу мѣшала
Суро во власгь употреблять;

Любила лѣтомъ водъ паденье
И сада трепетную тѣнь,
Катанья зимняго движенье
И вечеровъ тоску и лѣнь.
И гдѣ она? и что съ ней сталось?
Въ ней сохранился-ль сердца жаръ?
Иль за мужъ вышла какъ попалось?
Заѣзжій-ли плѣнилъ гусаръ?
Или чиновникъ вороватый—
Смиренно-гаденькій чудакъ?
Иль баринъ буйный и богатый—
Любитель водки и собакъ?
Иль, можетъ, по-сердцу героя
Въ степной глуши не находя,
Себя къ хозяйству не пристроя,
Свой міръ заоблачный щадя—
Она осталась дѣвой чинной
Все съ тѣмъ же вальсомъ и умомъ,
Съ душой младенчески невинной,
Но съ увядающимъ лицомъ;
И вѣчно входитъ въ умиленье
И въ романтическую лѣнь,
Встрѣчая лѣтомъ водъ паденье
И сада трепетную тѣнь?

НА МОСТУ.

Я на мосту стоялъ. Рѣка
Въ ночи недвижно-широка
Подъ ледянымъ своимъ покровомъ
Свѣтилась пологомъ свинцовымъ.
Далеко трепетнымъ огнемъ
Въ туманѣ фонари мерцали;
Высоко въ воздухѣ ночномъ
Дома угрюмые стояли,
И рѣдко въ тишинѣ звучалъ
По жесткимъ плитамъ шагъ пустынный,
Иль стукъ кареты дребезжалъ
Спѣшащей путь покончить длинный.
Рождало чувство пустоты
Вопросъ—подобіе мечты,
И не могла мнѣ до разсвѣта
Пустая ночь подать отвѣта.

КЪ ЛИДІИ.

(Изъ Лукреція)

Когда ты, грустная, слезу стеревъ съ рѣсницы,
Задумчиво глядишь на прошлый путь,
Не видишь въ будущемъ ни проблеска зарницы,
И ищешь день убить бы какъ нибудь:
Вѣдь я сочувствую тебѣ и мнѣ обидно,
Что жить тебѣ такъ страшно тяжело,
А между тѣмъ, мой другъ, и самому мнѣ стыдно
На сколько жить мнѣ вольно и свѣтло!
Печаленъ я теперь; но вдругъ шипучей влагой,
Иль улицы движеньемъ увлеченъ,
Я полонъ становлюсь разгульною отвагой
И въ эту жизнь младенчески влюбленъ.

ВЕСНОЮ.

Брожу я по лѣсу тропою каменистой:
Трепещутъ и блестятъ въ вѣтвистой вышинѣ
Зеленые листы подъ влагою росистой,
И сосенъ молодыхъ духъ свѣжій и смолистый
Въ весеннемъ воздухѣ отрадно вѣетъ мнѣ;
Пчела жужжитъ, и ранній лучь денницы
Встрѣчаютъ пѣснями ликующія птицы.

Схожу я къ берегу на мшистый край стремнины,
Смотрю—внизу рѣка клокочетъ и шумитъ,
За нею озимей спокойныя равнины
Съ ихъ юной зеленью... Все нѣжныя картины!
И столько счастливый, и столько ясный видъ,
Что, весело смотря на все живое,
Я чувствую въ себѣ раздолье молодое.

Ты сѣтуешь, что послѣ долгихъ лѣтъ
Ты встрѣтился съ своимъ стариннымъ другомъ
И общаго межъ вами вовсе нѣтъ...
Не мучь себя ребяческимъ недугомъ!
Люби прошедшее! Его очарованій
Не осуждай! Подъ старость грустныхъ дней
Придется жить на днѣ души своей
Весенней свѣжестью воспоминаній.

ЗИМНІЙ ПУТЬ.

(Изъ дорожныхъ воспоминаній)

Посвящено П. В. А.

1.

Въ дорогу я пустился въ ночь.
Привычки трудно превозмочь:
По утру я объятъ дремотой,
Потомъ, ходъ времени цѣня,
Люблю я съ мудрою заботой
Свершить обязанности дня,
То есть вкусить обѣдъ и ужинъ
(Всегда порядокъ въ жизни нуженъ),
А въ ночь свободно ѣхать. Вотъ
Уже и тройка у воротъ,

И вотъ, скрипя, помчалась прытко
По снѣгу мерзлому кибитка.
Путь гладокъ и ярка луна,
Безмолвнымъ свѣтомъ ночь полна,
Студеный воздухъ сжатъ морозомъ;
Иглистый иней по березамъ
Повисъ недвижно и блеститъ;
Поляна снѣжная лежитъ,
Мерцая отблескомъ лиловымъ
И вѣетъ холодомъ суровымъ,
И взоръ съ невольною тоской
Слѣдитъ за смутною чертой,
Гдѣ небо далью блѣдносиней
Слилося съ бѣлою пустыней.

2.

А все знакомыя мѣста!
Все тотъ же скатъ съ горы отлогой,
Сугробъ у ветхаго моста;
Все также узкою дорогой
Обозъ ползетъ издалека,
Дразня лихаго ямщика.
Кругомъ разбросаны селенья...
И знаю я на перечетъ
Гдѣ сколько душъ, чьего владѣнья,
И гдѣ, и кто, и какъ живетъ;
Все знаю такъ, что даже скучно!
Но выросъ въ этомъ я краю;

Привычки дѣтской рабъ послушный,
Его быть можетъ я люблю.
Даруй вамъ Боже сны благіе,
Мои сосѣди дорогіе!
Въ дыму удушливой избы
Спи крѣпко труженикъ нашъ вѣчный—
Мужикъ лѣнивый и безпечный,
Прося немного у судьбы!
И ты сосѣдъ, хозяинъ строгой,
Который грозно въ скорби многой
Работаешь такъ много лѣтъ
На обязательный совѣтъ,—
И ты усни!—Во снѣ, пожалуй,
Доходъ увидишь небывалой!
Вкусите мирный сонъ и вы
Сосѣдки, барыни лихія,
Которыхъ ручки боевыя
Легко съ узорчатой канвы
И отъ вареньемъ полныхъ банокъ—
По неизвѣданнымъ путямъ—
Перебираются къ щекамъ
Своихъ запуганныхъ служанокъ!
Да будетъ всѣмъ вамъ мирный сонъ!
Теперь я такъ расположенъ
Учтиво, даже можетъ нѣжно,
Что радостно-бъ простить хотѣлъ
И грѣхъ, по жизни неизбѣжный,
И придурь—общій всѣхъ удѣлъ.

3

Еще въ избахъ кой гдѣ мерцаетъ
Лучины дымной огонекъ
И дѣва вѣчный свой клубокъ
Въ полу-дремотѣ напрядаетъ.
Я живо помню, какъ порой
Спокойная картина эта
Своею милой простотой
Меня плѣняла въ прежни лѣта;
Но нынѣ дѣвы сонный ликъ,
Храпящій на печи старикъ,
И вѣчно плачущій ребенокъ
Въ дырявой люлькѣ, и теленокъ
Надъ грязнымъ мѣсивомъ—ей-ей—
Какъ жалкій образъ жизни скудной,
Тоской болѣзненной и трудной
Тревожатъ миръ души моей.
Милѣй мнѣ въ этой деревушкѣ
Воспоминанье объ одной
Сосѣдкѣ, добренькой старушкѣ
Съ нехитрой дѣтскою душой.
Она бывало предъ иконой
Взываетъ въ искренней мольбѣ,
Чтобъ Богъ *ему* былъ обороной
И пекся о *его* судьбѣ;
Иль молча сидя на диванѣ,
Гадаетъ трепетно о *немъ*,

И все о *немъ*, о миломъ Ванѣ,
О внукѣ вѣтреномъ своемъ.
«Ну! что вашъ внукъ?»—«Писалъ недавно.»
«Чай денегъ проситъ милый внукъ?»
«Ну чтожъ что проситъ? Вотъ забавно!
Ему вѣдь нужно для наукъ.
А мнѣ?. . стара я для наряда
И ничего самой не надо!»
И вынетъ дочери портретъ,
Въ живыхъ которой больше нѣтъ,
И смотритъ съ грустною отрадой,
И смотритъ долго, и потомъ
Утретъ слезу свою тайкомъ.

4.

И вотъ еще, близъ церкви бѣлой,
На снѣжномъ холмѣ, при лунѣ,
Я вижу, крестъ осиротѣлый
Стоитъ въ печальной тишинѣ
Надъ безъименною могилой...
И мужа дышащаго силой
Опять на память мнѣ пришло
И величавое чело,
И умъ наукою развитый,
И духъ насмѣшки ядовитой
Надъ всѣмъ, что подло и смѣшно.
Онъ былъ когда-то мнѣ одно,
Одно отрадное явленье

Въ глуши печальныхъ деревень,
Гдѣ торжествующая лѣнь
На умъ наводитъ усыпленье,
И ни одинъ еще вопросъ
Людей глубоко не потрёсъ.
Но мимо, мимо! сердцу больно!
Не вызывай тѣней изъ тьмы!
Зачѣмъ давать слезѣ невольной
Остыть на холодѣ зимы?

5.

И далѣ въ путь! Встрѣчаютъ взоры
Равнины, горки, косогоры,
И вдоль пути рядъ глупыхъ вѣхъ,
И всюду неподвижный снѣгъ.
Вотъ здѣсь пустырь. Была недавно
Деревня. Жили въ ней исправно;
Но отъ нея теперь одни
Торчатъ обугленные пни.
Въ субботу въ ночь оно случилось:
Проснулась баба хлѣбы печь
И затопила—какъ водилось—
Давно надтреснутую печь.
На крышѣ вспыхнула солома
И подхвативъ пошла вьюга
Носить огонь отъ дома къ дому
Съ остервененіемъ врага,
И кровли, пламенемъ объяты,

Треща обрушилися въ хаты.
Со сна вскочили мужики,
Стремглавъ пустились бабы въ страхѣ
На улицу въ одной рубахѣ,
За ними дѣти, старики...
Пожаръ! пожаръ! скорѣй! спѣшите!
Багры давайте, топоры!
Ломать!... Да гдѣжъ ихъ взять—багры?
Воды! вези воды! тушите!...
Крикъ, бѣготня, и вопль, и шумъ;
Въ бѣдѣ исчезъ послѣдній умъ:
Хватились бабы за пожитки—
Спасать холсты, корыта, нитки,
А по дворамъ поднялся рёвъ
Въ огнѣ покинутыхъ коровъ,
Въ забытой люлькѣ визгъ ребячій
Безсильно замеръ въ общемъ плачѣ.
Спасенья нѣтъ! Толпа глядитъ
Оцѣпенѣвъ—какъ все горитъ;
Багровый блескъ въ мерцаньи длинномъ
Ложится по снѣгамъ пустыннымъ.
Такъ въ пору ранняго утра
Я не засталъ ужь ни двора;
Безъ словъ, безъ дѣлъ, безъ помышленій
Бродили люди словно тѣни.
Съ сѣдою всклоченной косой
Старуха дряхлая сидѣла
У пепла и ребенка грѣла,
Мотая глупо головой.
Тамъ, гдѣ околица бывало,
Въ сугробъ закутавшись дремала—
Спаленный столбъ печальный видъ

Хранилъ, какъ старый инвалидъ.
Но тутъ (у выѣзда иль въѣзда),
Въ порывѣ бурнаго наѣзда
Мнѣ повстрѣчался становой,
Пріятель закадышный мой.

. . . .

Но тутъ—хоть въ немъ душа окрѣпла
На службѣ—передъ грудой пепла,
Какъ будто громомъ пораженъ,
Велѣлъ остановиться онъ.
Вздохнулъ, привсталъ, всплеснулъ руками
И вновь ихъ опустилъ... Потомъ
Уныло щелкнулъ языкомъ,
И мы разъѣхались...

6.

. . . . . Полями
Я ѣду долго. Скученъ путь!
Но вотъ на право повернуть,
И виденъ лѣсъ въ тиши глубокой.
Луна мерцаетъ сквозь деревъ
И тѣни длинныя стволовъ
По снѣгу стелятся. Далеко
Въ лѣсную глубь уходитъ взоръ;
Унылъ и голъ холодный боръ
И пусто отголосокъ смутный
Блуждаетъ въ чащѣ безпріютной.
За этимъ лѣсомъ на горѣ

Высокій домъ стоитъ дряхлѣя.
Я зналъ его въ иной порѣ!
Къ нему вела дубовъ аллея;
Литой рѣшетчатый заборъ
Каймилъ его широкій дворъ;
Шумѣлъ прохладно садъ столѣтній—
Пріютъ роскошный нѣги лѣтней.
И было время, каждый день
Изъ городовъ и деревень
Съѣзжались гости; дверь подъѣзда
Не умолкала отъ пріѣзда,
И въ домъ богатый принималъ
Гостей радушный генералъ.
Храня временъ минувшихъ нравы,
Онъ жилъ вельможей и любилъ
Пировъ затѣйливыхъ забавы;
Свои доходы не щадилъ
И сотни слугъ рядилъ какъ франтовъ,
Держалъ собакъ и музыкантовъ;
Неистощимъ былъ мшистый кладъ
Душистыхъ винъ въ его подвалахъ,
Достойно царственныхъ палатъ
Сіяла роскошь въ пышныхъ залахъ.
И вотъ къ нему со всѣхъ сторонъ
Спѣшили гости на поклонъ:
Спѣшилъ бѣднякъ, судьбой прижатый,
Искавшій милости богатой,
Спѣшилъ и тотъ, кто отъ него
Не ждалъ конечно ничего,
Но такъ—лелѣялъ вмѣсто чести
Наклонность въ безкорыстной лести,—
И среди нихъ торжествовалъ

Нашъ впрочемъ добрый генералъ.
Онъ находился-ль въ убѣжденьи,
Какъ Цезарь (что извѣстно всѣмъ),
Что лучше первымъ быть въ селеньи,
Чѣмъ гдѣбъ то ни было ничѣмъ;
Иль о покойницѣ супругѣ
Хотѣлъ поплакать на досугѣ—
Сосѣдями не рѣшено.
Извѣстно только, что давно
Онъ прибылъ жить въ свое имѣнье
И скорбь легко могъ превозмочь:
При немъ ему на утѣшенье
Росла единственная дочь.
И онъ любилъ ее—на сколько
Любить способенъ человѣкъ,
Чей беззаботно праздный вѣкъ
Какъ непрерывный пиръ летѣлъ—и только!
Онъ дочь обычно цѣловалъ
По утру, съ ложа сна вставая,
Еще—ко сну благословляя;
Какъ куклу въ дѣтствѣ одѣвалъ,
Потомъ цѣною дорогою
Ей гувернантку нанималъ,
Чтобы обычной чередою
Учила барышню всему,
Что̀ не полезно никому.
Еще таилася въ немъ вѣра,
Что жениха онъ сыщетъ ей
По крайней мѣрѣ камергера
Изъ важныхъ графовъ иль князей.
И такъ онъ ждалъ, когда ей минетъ
Завѣтный срокъ—семнадцать лѣтъ,

Тогда деревню онъ покинетъ
И дочь введетъ въ столичный свѣтъ;
Такъ старый садоводъ ревниво
Въ смиренный прячетъ уголокъ
Не распустившійся цвѣтокъ,
Чтобъ послѣ выставить на диво
Во всемъ плѣнительномъ цвѣту
Волшебныхъ красокъ красоту.
И срокъ насталъ! Незримымъ ходомъ,
Подкравшись тихо годъ за годомъ,
Пришла пора дѣвичьихъ грезъ,
Гдѣ дума новая мятется
Въ головкѣ юной, сердце бьется
И проситъ счастія и слезъ,
И грудь младую вздохъ подъемлетъ,
И взору снится тайный ликъ,
И ухо жаждущее внемлетъ
Любви незнаемый языкъ.
Иль по просту: пора настала,
Гдѣ барышня, окончивъ классъ,
Блеснуть желаетъ въ вихрѣ бала,
Красою свѣжею гордясь.
Благовоспитанной дѣвицѣ
Тогда одно и тоже: жить
Или поклонниковъ влачить
Во слѣдъ надменной колесницѣ
Побѣдоносной красоты;
И эти гордыя мечты
Ведутъ къ прямому окончанью,
Чтобъ по сердечному желанью
И безъ дальнѣйшаго грѣха
Найдти скорѣе жениха.

Отецъ въ восторгѣ умиленья
Обдумалъ праздникъ и нарядъ,
И въ день дочерняго рожденья
Назначилъ балъ и маскарадъ.
Ко всѣмъ сосѣдямъ близкимъ, дальнимъ,
Къ властямъ уѣздныхъ городовъ
И къ лицамъ меньше подначальнымъ
Отъ генерала посланъ зовъ.
Самъ губернаторъ приглашенье
Почелъ за честь. . .
. . . .
Я былъ тогда въ порѣ блаженной
Невинныхъ отроческихъ лѣтъ,
А генералъ былъ нашъ сосѣдъ:
Къ нему насъ, помню, неизмѣнно
Возили по воскреснымъ днямъ;
Привыкъ я къ людямъ и садамъ,
Но въ этотъ разъ меня смущала
Мнѣ чуждая тревога бала.
Оркестръ ударилъ, и тотчасъ
Всѣ въ залу ринулись тѣснясь.
И я съ подножія колонны,
Какъ будто въ сказочный удѣлъ
Внезапнымъ чудомъ занесенный,
Привставъ на цыпочки, глядѣлъ.
Все юное воображенье
Прельщало: и толпа людей,
И музыка, и блескъ свѣчей,
И масокъ пестрое движенье.
Чего тутъ не было, мой Богъ!
Паяцы, рыцари, цыганки,
Маркизъ напудренный, турчанки,—

Все нарядилось кто какъ могъ.
Тутъ былъ судья одѣтъ матросомъ,
И скромный стряпчій—казакомъ,
Тутъ былъ исправникъ съ краснымъ носомъ
Одѣтъ индѣйскимъ пѣтухомъ;
И даже Дарья Тимоѳевна,
Годовъ тяжелый грузъ забывъ,
Какою-то морской царевной
Явилась, плечи обнаживъ.
Шумѣло все. Старушки хоромъ
За дочками слѣдили взоромъ,
И старички, очки надѣвъ,
Степенно наблюдали дѣвъ.
Но вотъ среди толпы предстала
Сама она, царица бала,
И гулъ сорвавшихся похвалъ
По залѣ дружно пробѣжалъ.
Въ кругу наперстницъ суетливыхъ,
Дѣвицъ жеманныхъ и болтливыхъ,
Она въ безмолвьи тихомъ шла
Самодовольно и несмѣло—
Съ вѣнцомъ изъ листьевъ вкругъ чела,
Какъ Норма вся въ одеждѣ бѣлой...
Все въ ней въ гармонію слилось:
Движеній мягкая небрежность,
Лица мечтательная нѣжность,
И лоскъ волнистый русыхъ косъ,
И взоръ, томящей ласки полный,—
Уста раскрытыя едва,
Какъ бы таящія слова
Для слуха сладкія, какъ волны,
Когда сокрытый отъ лучей,

Въ тѣни журча, скользитъ ручей...
И вдругъ съ улыбкой добродушной
Она, презрѣвъ толпою скучной,
Ко мнѣ ребенку подошла
И тихо въ польскій увела.
Ея руки прикосновенье
На трепетной моей рукѣ
Незримое напечатлѣнье
Оставило. Такъ въ далекѣ
Знакомой пѣсни голосъ милый
Тревожитъ долго слухъ унылый;
И послѣ много, много лѣтъ,
Средь жаркихъ сновъ, въ чаду томленья,
Ловилъ мой отроческій бредъ
Черты знакомаго видѣнья.
Но къ дѣлу! Въ сей юдоли слезъ
Есть люди внѣ бѣды и грозъ,
Которыхъ жгучія печали
Богъ вѣсть, какъ въ жизни миновали;
Легко, безъ долгаго труда
Цѣль добывалась ихъ желаній
И застигала безъ страданій
Ихъ смерти срочной череда.
Покинувъ сельскую свободу,
По ожиданію точь въ точь,
Въ столицѣ не проживъ и году,
Нашъ генералъ сосваталъ дочь
За юношу, породы барской,
Которому Господь послалъ
Богатства тьму, и предстоялъ
Блестящій путь на службѣ царской.
Была-ль довольна дочь, иль нѣтъ,

Но праву-ль былъ ей высшій свѣтъ,
Иль сердцу жить въ немъ было тѣсно
И жаль ей было то село,
Гдѣ мирно дѣтство протекло—
Мнѣ это вовсе неизвѣстно.
Но знаю то, что генералъ,
Довольный тѣмъ, что жилъ не даромъ,
Допивъ за ужиномъ бокалъ,
Апоплексическимъ ударомъ
На лоно праотцовъ своихъ
Перескочилъ въ единый мигъ.
За гробомъ важныя шли лицы;
Дочь плакала. Тоскуя зять
Наслѣдство долженъ былъ принять;
Но, вѣчный баловень столицы,
Деревни онъ не посѣтилъ.
Сюда по волѣ барской былъ
Какой-то присланъ плутъ наемный
Сбирать и доставлять доходъ;
А баринъ самъ здѣсь не живетъ.
Домъ опустѣлъ. Сквозь ставень темный
Не улыбнется лучъ дневной,
Не взглянетъ грустно мѣсяцъ томный,
И человѣческой ногой
Ненарушаемъ мракъ сырой;
И только вѣтеръ въ дни мятели,
Врываясь въ трубы или щели,
Тоскуетъ жалобно, одинъ
Безлюдныхъ комнатъ властелинъ;
Да ночью сторожъ безполезный
Печально бродитъ до утра
Вокругъ пустыннаго двора

И сторожитъ замо̀къ желѣзный...
И право жаль мнѣ иногда,
Что видно, въ память дней бывалыхъ,
Мнѣ не придется никогда
Блуждать въ давно знакомыхъ залахъ
И снова видѣть по стѣнамъ
Въ прическахъ странныхъ тѣже лицы
Старинныхъ баръ и прежнихъ дамъ,
Давно сошедшихъ въ тьму гробницы.
И право жаль, что никогда
Не доведется мнѣ лѣниво
Сидѣть на берегу пруда
Подъ старою плакучей ивой,
Глядѣть, какъ тихо съ высоты
Она зеленые листы,
Склоняя, медленно купаетъ...
Недвиженъ прудъ; хоть бы слегка
Пронесся шелестъ вѣтерка,
И вечеръ ясный догараетъ,
Сливая мирно ночь и день
Въ одну задумчивую тѣнь;
И ловитъ чуткое вниманье
Мгновенныхъ звуковъ трепетанье:
Надъ полусонною водой
Шумъ крыльевъ птицы мимолетной
И подъ разбрызгнутой волной
Плесканье рыбки беззаботной.

7.

Пошелъ! Въ ночи какъ днемъ свѣтло,
Мой путь лежитъ черезъ село
Огромное; въ немъ даже школа
Есть для дѣтей мужскаго пола.
Тутъ жилъ учитель. Съ нимъ я былъ
Давно знакомъ. Мы въ юны лѣта,
Подъ кровомъ университета,
Учились вмѣстѣ. Я шалилъ,
А онъ, неловкій и смиренный,
Душею въ бездну погруженный
Метафизическихъ началъ,
Прилежно Шелинга читалъ,
И въ годы тѣ, когда стыдливо
Усъ пробивается едва,
Онъ *душу міра* горделиво
Хотѣлъ понять, какъ дважды два;
Но только смутное сомнѣнье
Ему навѣяло ученье.
Онъ сталъ де-Местра изучать
И верхъ премудрости искать
Тамъ, гдѣ—пировъ пустыя дѣти—
Не попадаясь въ оны сѣти,
Мы видѣли, махнувъ рукой,
Туманный бредъ души больной.
Такъ въ жизнь игрушкою случайной
Товарищъ юности моей
Вошелъ, своей завѣтной тайны

Не разрѣшивъ и чуждъ путей
Ко счастью. Вѣчно недовольный
И міромъ и собой самимъ,
И тяжкой бѣдностью томимъ,
Пошелъ онъ, какъ учитель школьный,
Въ нашъ край печальный, и готовъ
Былъ съ добросовѣстностью милой
Учить читать тупыхъ птенцовъ
И по складамъ и безъ складовъ.
Но тщетно! Сила измѣнила:
Онъ сталъ грустить, потомъ спился
И помѣшался. Я въ то время,
Влача безпечно жизни бремя,
Подъ голубыя небеса
Иной страны благоуханной
Свободно путь держалъ желанный.
Когда же изъ чужихъ сторонъ
Вернулся я въ родныя степи
Принять обычной жизни цѣпи,
Я поспѣшилъ къ нему, и онъ
Былъ страшно радъ мнѣ, жалъ мнѣ руку,
И, тайную скрывая муку,
Мнѣ говорилъ, что онъ спасенъ,
Что душу міра видитъ онъ,
Но окруженную толпами
Какихъ-то гаденькихъ дѣтей,
Должно быть, маленькихъ чертей,
Горбатыхъ, подленькихъ, съ хвостами,
Его дразнящихъ языками.
Но этотъ жизни жалкій сонъ
Былъ скоро смертью пресѣченъ.
Я друга схоронилъ. Но сухо

На сердцѣ было; на глаза
Не пробивалася слеза
И въ головѣ бродило глухо,
Что даже лучше для него,
Чтобъ вовсе не было его.

8.

Я съ похоронъ спѣшилъ. Желалось
Домой, скорѣй бы лечь въ постель,
Заснуть и позабыть... Смеркалось,
Была сердитая мятель.
Слѣдъ занесло. Ямщикъ крестился,
Глядя съ боязнію кругомъ;
Ступали лошади съ трудомъ,
А снѣгъ валилъ и вѣтеръ злился.
Дрожь пробирала, и тоской
Томилась мысль, и сердце ныло...
И вдругъ мнѣ память воскресила
Иное время, путь иной:
Я уѣзжалъ—то было лѣтомъ,
Сіяла пышная луна,
Была прозрачнымъ полу-свѣтомъ
И свѣжей влагой ночь полна.
Мнѣ разставаться было трудно,
Но какъ-то молодо и чудно
На сердцѣ было! А кругомъ
Шептался въ рощѣ листъ съ листомъ
И тихо вѣялъ воздухъ сонный

Какой-то нѣгой благовонной,
И звонко пѣлъ во млгѣ вѣтвей
Печаль и счастье соловей.

9.

Но, стой! Вотъ станція! Встрѣчаетъ
Смотритель съ заспаннымъ лицомъ,
Мундиръ потертый надѣваетъ,
Стоитъ у двери и потомъ
Выходитъ вонъ, ворча сквозь зубы.
А я, освободясь отъ шубы,
Томимъ зѣвотой и лѣнивъ,
Сажусь, сигару закуривъ.
Пока со сна ямщикъ впрягаетъ,
Пока, колеблясь и треща,
Уныло сальная свѣча
Передо мною нагараетъ—
Часы стѣнные въ тишинѣ
Одно и тоже сипло, глухо
Лепечутъ въ мѣрной болтовнѣ,
Какъ сумасшедшая старуха.
И какъ-то жутко! Духъ въ груди
Тѣснится; думы смутно бродятъ:
То будто горе впереди,
То будто призраки проходятъ
Людей минувшихъ и опять
Судьба готова повторять
Всѣ жизни тяжкія мгновенья,

Ошибки, скорби и волненья...
Но полно! Звякнула дуга;
Нѣтъ времени для грусти праздной
Подъ звукъ часовъ однообразный:
Теперь минута дорога—
Вѣдь я въ уѣздный городъ ѣду
По тяжбѣ дать отпоръ сосѣду...

. . . .
. . . .

10.

Но кони мчатся на востокъ;
Луна потухла. По немногу
Разсвѣта трепетный потокъ
Яснѣй ложится на дорогу,
И, свѣтомъ пурпурнымъ горя,
Встаетъ студеная заря,
И солнце въ выси блѣдно-синей
Блеститъ надъ бѣлою пустыней...

———

НЕ МНОГИМЪ.

Я покидалъ васъ, но безъ слезъ—
Лѣта навѣяли мнѣ стужу,
И тайный взрывъ сердечныхъ грозъ
Уже не просится наружу.
А сердце ныло въ тишинѣ
Въ часъ разставанья, часъ печали,
И въ сокровенной глубинѣ
Нѣмыя скорби осѣдали.
Такъ подъ корою ледяной
Зимою скрытый—осторожно,
Ни кѣмъ не слышимъ—ключъ живой
Трепещетъ сжато и тревожно.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.
